

Космос

5
МАЙ
1962

НАМ-СОРК

Пионерский марш

И музыкой и словом
Пусть скажет этот марш
Про галстук трехконцовый,
Про гордый праздник наш.

Пусть голосист и звонок
Прославит хоть чуть-чуть
Мальчишек и девчонок
Сорокалетний путь.

Костры взвивались дерзко,
Трубили трубы,
От песен пионерских
Дрожали богачи.

А детство все мужало,
И юное звено
Спасало от пожара
Колхозное зерно.

Потом, в годину бедствий,
Отцовский взяв наган,
Вставало это детство
Под знамя партизан.

И нынче, как когда-то,
Большой мечте верны,
Не в стороне ребята
От важных дел страны.

И музыкой и словом
Пусть скажет этот марш
Про галстук трехконцовый,
Про гордый праздник наш!

В. Торопыгин

Костёр

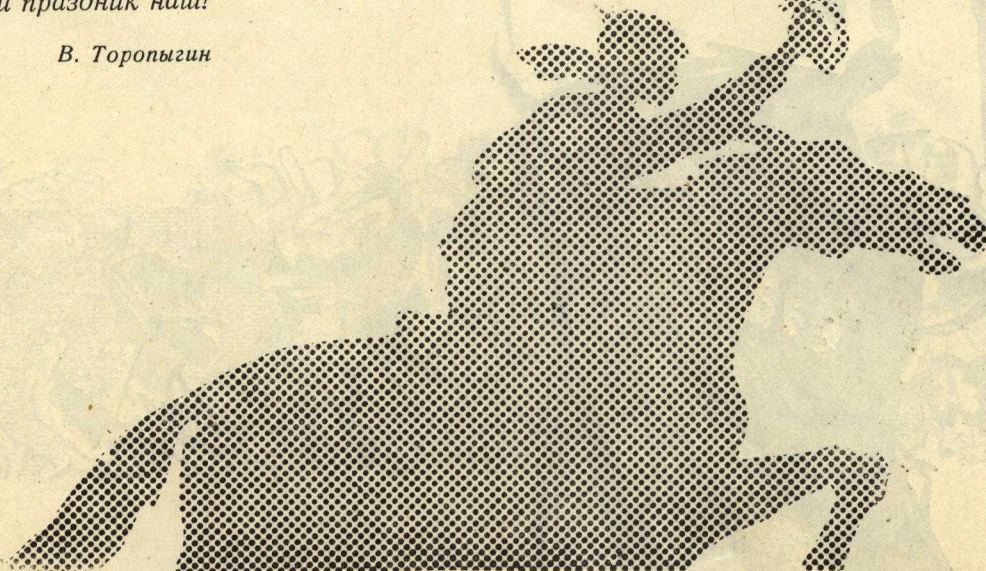
5
МАЙ
1962

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

Союза писателей СССР

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!
МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ
ЗЕМЛИ СОВЕТСКОЙ!

Сегодня ваш праздник —
сорокалетие пионерской организации.
Подумайте — ведь это так здорово,
что родилась она именно в мае.

Май — месяц победы!

*Май — месяц солидарности
трудовых людей мира!*

Май — месяц ласкового солнца!

А еще май — месяц БУДУЩЕГО!

Вы, ребята, — БУДУЩЕЕ нашей страны.
Вам строить коммунистическое общество
и вам жить в нем.

Никто и никогда в мире
не ставил перед собой такой дерзкой цели.

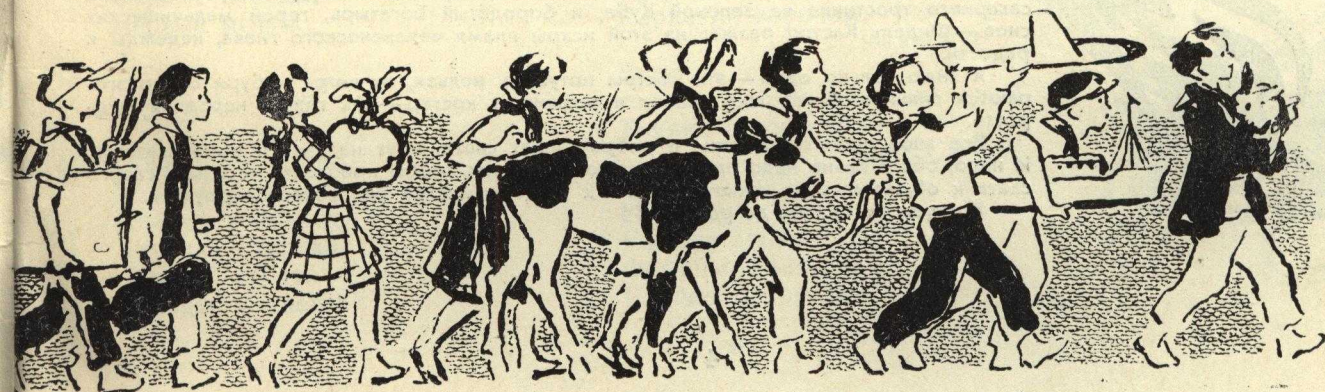
Никто и никогда в мире
не шагал по этой неизведанной дороге.

Мы — первые. И путь наш нелегок.

*Растите же смелыми и сильными,
веселыми и бодрыми,*

*непримиримыми к равнодушию и лжи.
Будьте всегда готовы к труду и борьбе!*

РЕДАКЦИЯ «КОСТРА»

ПИОНЕРЫ — РОДИНЕ

Володя Медведев из города Орши — отличный каменщик. Вместе с товарищами строит он школьную мастерскую. Этим ребятам няньки не нужны. Их лозунг: всё — своими руками!

Кострам не гаснуть до рассвета

*Рассказывает поэт
Михаил Александрович
Дудин*

Мальчишки всей земли — самые яростные огнепоклонники. Это я знаю по себе. У меня до сих пор осталось восторженное отношение к кострам. Где я только их не палил, у каких я только костров не грелся! И каждый из них оставлял свой след, свое тепло в памяти, заставлял думать и искать на горизонте новое пламя, новый огонек. Сколько кострищ, оставленных позади, поросло лиловыми цветами иван-чая, уму непостижимо!

Вся жизнь моих сверстников была дорогой от костра к костру. И красные галстуки первого пионерского костра пылали на наших синих сатиновых блузах, как негасимые языки пламени, когда мой дружок по отряду Саша Подогов читал вслух ответ декабристов Пушкину:

«Из искры возгорится пламя!»

И мы смотрели на него зачарованно, будто он сам — Одоевский, сочинивший этот ответ.

Только потом, спустя года три, перелистывая в библиотеке комплект ленинской «Искры», я увидел эти слова, напечатанные мелким шрифтом над заголовком газеты. И для меня тогда как-то очень явственно слились в один свет каторжные костры декабристов, костер на берегу туманного Разлива около Ленинского шалаша, яростные костры около Смольного в ночь перед штурмом Зимнего.

Это был один свет. Свет разума и справедливости. Свет борьбы и победы.

И, может быть, маленькая искра этого огня, перелетев океан, попала в заросли сахарного тростника на зеленой Кубе, и бородатый богатырь, герой мальчишеских снов — Фидель Кастро разжег из этой искры пламя человеческого гнева, надежды и радости.

Я знаю только одно — эти костры потушить нельзя, от ветра и бури они разгораются сильнее. Ветер гасит свечу и разжигает костер — так гласит народная мудрость.

Все злое прячется в тень, а доброе ищет света, идет на свет и само светится. И надо, обязательно надо прожить свою жизнь так, чтобы прибавить посильно своего света к общему свету, своего тепла — к общему костру человеческой дружбы.

Кострам не гаснуть до рассвета!

ЦЕНА ГАЛСТУКА

Е. Серова

Рисунки В. Звонцова

Несносная стрелка
Ползет к девяти,
А Нина свой галстук
Не может найти.
Рассержен отец,
Возмущается мама,
А Нина смеется:
— Подумаешь, драма!
Ну, галстук потерян...
Куплю себе новый!
Не шелковый можно —
Простой, кумачовый.
А то еще можно
Купить из сатина —
Он стоит копейки!..
Правда ли ты, Нина?

1.

Перенесемся с вами
Назад на сорок лет
В деревню... без названия —
Ее на карте нет.
Еще тут мало счастья,
Еще сильна нужда.
Идут Советской власти
Первые года.
Путь нелегкий начат,
Сделан первый шаг.
Первым неудачам
РадуетсЯ враг.
Власть берут комбеды —
Надежда бедноты.
Первые победы,
Первые мечты.

2.

Почему по улице
Ходят-бродят слухи?
Почему волнуются
Древние старухи?
Почему ребята
Сбились у плетня?

Словно бесноватая,
Скачет ребятня!
Женщины судачат,
Собрались гурьбой...
Может, тут горячий
Петушиный бой?
Может, запылала
Чья-нибудь изба?
Может, разудалая
Началась борьба?
Тут борьба другая...
Это без затей
По селу шагает
Горсточка детей.
Одежонка разная —
Пестрый ряд заплат,
Но, как пламя, красные
Галстуки горят!
Как они степенны,
Как они солидны —
Степка да Лена,
Федюнька да Лида.
Полные веры
В новую эру,
Самые первые
Пионеры.
И вдруг отряд
Подался назад.
Вышла гадалка
Бабка Федосья —
Сухая, как палка,
Клоками волосья!
Страшная,
 черная,
Сунулась ближе,
Каркнула вороном:
— Вижу!

Вижу —
гореть ребятишкам в огне!
Тряпка бесовская —

знак Сатане!

Умолкла бабка,
И сразу — тишь..
Ежится зябко
Федюнька-малыш.
Шепчет он робко:

— Боязно, Степка!
 А Степа — философ
 Двенадцати лет.
 На сотни вопросов
 Он даст вам ответ.
 Толкнул он Федюню:
 — Поддерни штаны!...
 Нечего нюнить —
 Нет Сатаны! —
 И двинулись снова,
 Спокойно, сурово.
 — Будьте готовы!
 — Всегда готовы!
 Полные веры
 В новую эру,
 Самые первые
 Пионеры.

3.

Торжественно,
 в галстук алом
 Степа идет домой.
 Мать на пороге встала,
 Шепнула: — Сыночек ты мой,
 Тряпку сими сатанинскую!
 Батя лютует, Степ...
 Упала слеза материнская
 На Степин упрямый лоб.
 Уж так ему жалко мамку —
 Ну, прямо не рассказать!
 Всю жизнь она тянет лямку,
 Усталая добрая мать.
 А жизнь — как мешок
 с заплатами...
 Теперь бы пойти в комбед,
 Так нет же —
 батя с богатыми,
 С кулаками держит совет.
 А какой от богатых толк?
 Залезает все больше в долг!
 На матери — тихой, робкой —
 Батя срывает злость.
 Дорого дал бы Степка,
 Чтoб плакать ей не пришлось!

Дрожит она перед мужем,
 Не знает — как сыну помочь:
 Заступишься — будет хуже!
 Ушла —

в непогоду,
 в ночь.

Шепотом бога просила:
 «Господи, помоги!»

Встали —
 отец против сына.

Встали они,
 как враги.

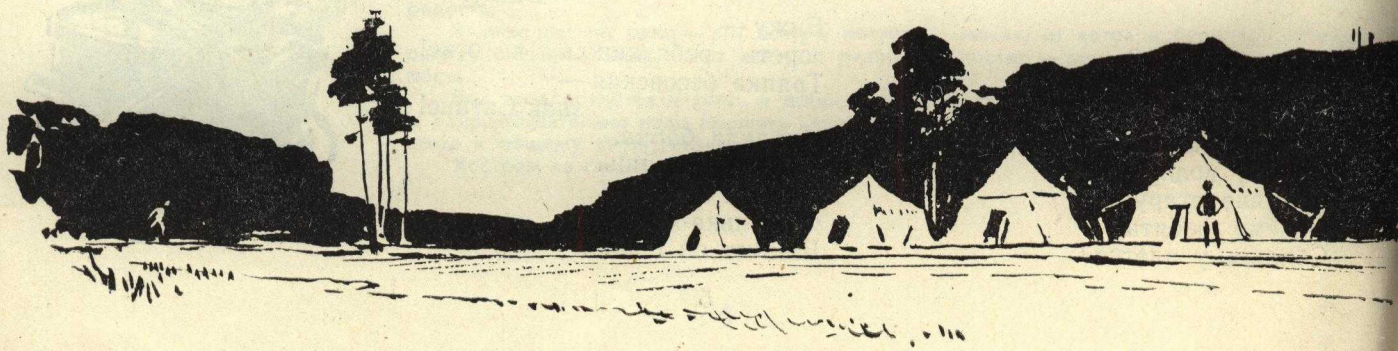
Больно ударили Степу
 Слова, тяжелей свинца:
 — Щенок!

Большевицким холопом
 Стал, не спросясь отца!
 Бросай свою пионерию!
 Не бросишь —

ты мне не сын! —

Вышел и хлопнул дверью...
 Степа остался один.
 Как же он жить-то будет,
 Если отец и мать —
 Самые близкие люди —
 Сына не могут понять!
 Может, совсем не по силам
 Выбрал мальчишка путь?
 Сам у себя спросил он:
 Может, назад повернуть?
 Только всего и надо —
 Галстук заветный снять!
 То-то была бы рада,
 Плакать не стала бы мать.
 Батя б на Степку не топал,
 Из дома не гнал, не кричал.
 Всё ладно...
 Да вспомнил Степа,
 Как галстук он получал.

Худые, со скулами острыми,
 Приезжие большевики
 Сказали ребятам просто:
 — Трудности велики!

Четвертые сутки — не спавши...
 На все не хватает рук!
 Басовито смеется старший:
 — Помереть — и то недосуг!
 У нас комсомольцев — восемь,
 А коммунистов — пять.
 Вас, пионеров, просим,
 Чем можете, нам помогать.
 Комсомол — вроде старшего
 брата,

А партия — вроде отца.
 Вы — из той же семьи, ребята,
 У галстука — три конца! —

Люди на Степу надеются,
 Ждут пионерских дел,
 А Степа, как красная девица,
 Разрюмился, заробел!
 И Степа голову поднял,
 Страху пришел конец.
 Готов он —

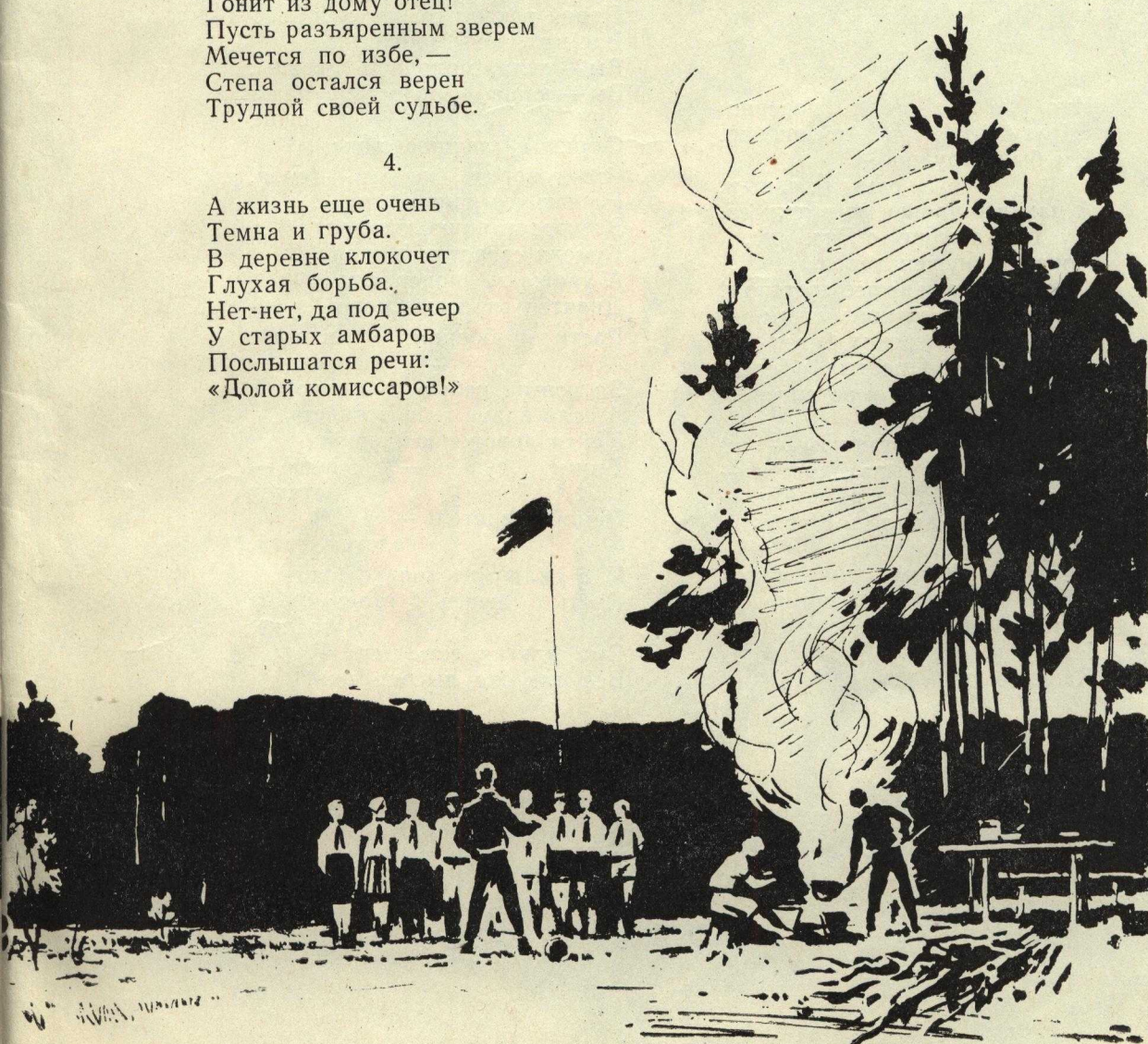
пусть хоть сегодня
 Гонит из дому отец!
 Пусть разъяренным зверем
 Мечется по избе, —
 Степа остался верен
 Трудной своей судьбе.

4.

А жизнь еще очень
 Темна и груба.
 В деревне клокочет
 Глухая борьба.
 Нет-нет, да под вечер
 У старых амбаров
 Послышатся речи:
 «Долой комиссаров!»

А утром лучистым
 За ближним леском
 Найдут коммуниста
 С пробитым виском.
 И скажут крестьяне окрестные:
 — Недолгий он прожил век...
 Царство ему небесное!
 Хороший был человек.

Шипят богатеи:
 — Один — со счета...
 И снова затеяли
 Страшное что-то.
 Пузатый Ерошкин
 Да пьяный Неверов
 Орали истошно:
 — Бей пионеров!
 Я знаю, что крик —
 Не пустая угроза.
 Я знаю — погибнет

Павлик Морозов.
Но Степа не может
Узнать наперед:
Наточен ли нож
И не Степа ли ждет?

.....
Какое значенье
Имеет имя?
Может быть, Геня
С вихрами лихими,
А может быть, Катя
С косичкой смешной
За галстук заплатят
Огромной ценой.
Но их не пугают
Угрозы, наветы,
Отважно шагают
К далекому свету
Полные веры
В новую эру,
Самые первые
Пионеры.

5.

Иной из вас решит, наверно:
«Другим был прежний пионер.
Им было трудно —

самым первым,
А нам все проще, не в пример.
Ну да, Гагарину с Титовым,
Конечно, нужен героизм,
А мы... Живем на всём готовом!
Почти построен коммунизм.
Ушла из пионерских буден
Романтика... Простыл и след!
Наш путь обычен и нетруден...»
Ну, нет, приятель,

трижды — нет!
Тебе нелегкий выпал жребий —
Трудней, пожалуй, не найти! —
Искать и на земле и в небе.
Непроторенные пути.
Нет в Коммунизм путей
знакомых.

К тебе История строга:
Иди и помни —
Каждый промах

Оружьем станет для врага.
Путь нашей Родины особый:
На нас глядят миллионы глаз.
Решай,

дерзай,
ищи и пробуй —
Все будет внове,

в первый раз!
А жить по-новому не просто,
Цепляет за ноги старье...
Ты скажешь: «Это — дело
взрослых!»

Нет, это дело и твое!
Раскрыты в Будущее двери —
Войди, свободный от оков
Мещанства, лени, лицемерья...
А разве ты во всем таков?

Не думай: «Всё к моим
услугам».
За новое бросайся в бой!
Порой сражайся с лучшим
другом,

Порой вой с самим собой.
Вас миллионы, пионеров.
Вы — сила, молодость страны,
Вы — наша гордость, наша
вера,

Отчизны младшие сыны.
Что говорить, не все — герои,
Но есть и мирные бои:
Электростанцию построить
Сумели сверстники твои.
А урожаем пионерским
Дивятся взрослые порой!..

Расти борцом веселым,
дерзким —
За новый, небывалый строй.
А если вдруг тебя потянет
Пойти дорожкой кривой,
Твоим судьей — я верю —
станет

Немой свидетель —
галстук твой.

И я скажу не только Нине:
Пусть дешев галстук в
магазине,

Ему другая есть цена —
Всё так же высока она!

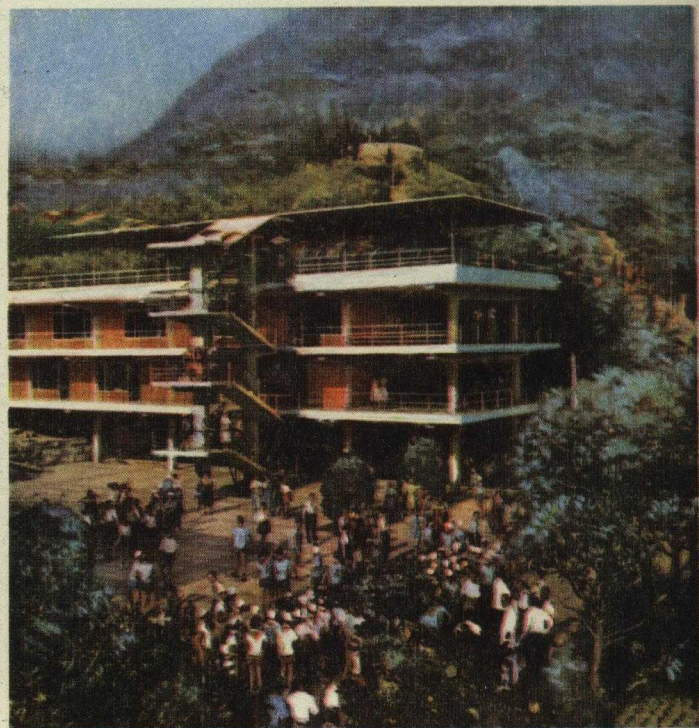

А теперь запишем адреса.

Вперед, дружба!

Дом, в котором мы живем.

*Интересно узнать, почему у польских харцеров
такие галстуки.*

РЕБЯТА ИЗ ГОРОДА ДРУЖБЫ

Рисунки Т. Капустиной

Чтоб жить мирно, надо дружить.

Чтоб дружить, надо знать друг друга.

А чтоб знать друг друга, надо встречаться.

Взрослые люди разных стран встречаются на международных фестивалях, на форумах, во время туристских путешествий. А у ребят есть свой международный Город Дружбы — Артек. Пионеры многих стран приезжают сюда летом.

Вы думаете: какие они — ребята из-за рубежа? Да самые обыкновенные! Такие же, как вы. Мальчики любят играть в футбол и швырять в море камушки — кто дальше. Девочки — танцевать и сообщать друг другу разные секреты. Впрочем, ребята из Города Дружбы сами о себе расскажут...

Двадцать дней — двадцать лет

Когда я ехала в Артек, то очень волновалась: как мы будем разговаривать? Поймем ли друг друга, не зная языка? Только здесь, в Артеке, я поняла, как много может сказать улыбка.

За двадцать дней Артек дал нам так много, что об этом можно рассказывать двадцать лет. Традиции и обычаи у всех разные, а дружба одна, и этого не забыть.

Мне бы хотелось, чтоб все дети, вернувшись домой, рассказали о том, как хорошо было в Артеке, и еще больше боролись за мир.

Теперь, когда я читаю газеты и слушаю радио, я думаю: вот бы взрослые поручили нам, ребятам, договориться о всеобщем мире... Мы бы это сделали отлично!

Пурнима Мехта. Индия

Арчи действуют

Я живу в городе Реджео-Эмилия на улице Эмилия Оспицио. Мои друзья Джулиано Пармиджани и Лидия Симонацци живут рядом. Мы учимся в одной школе и вместе вступили в «арчи». Так у нас в Италии называют пионеров.

В нашей школе всего шесть «арчи», но кое-что нам удастся сделать. Мы готовим посылки для детей Алжира. Много одежды, лекарств, денег собрали на своей улице и на улице Первого мая. Даже Рамелли, хозяин бакалейной лавки, дал несколько лир. Наверно, он проснулся в хорошем настроении. От тех, кто богат, много не получишь.

Мои родители тоже помогали нам: отец дал денег, а мать собрала одежду и лекарства. Мой отец — рабочий. Он вытачивает детали для мотоциклов и мотороллеров и получает сорок тысяч лир в месяц. Если в семье школьник — это совсем немного. Хочешь поступить

в школу — плати три тысячи лир. Каждый год нужны учебники — еще сто пятьдесят тысяч. Идешь сдавать экзамены — неси три тысячи. Я мечтаю скорей вырасти и пойти на работу, как моя старшая сестра.

Оскар Бертолинни. Италия

Самолет пикировал прямо на нас

Моего отца звали Милюз Бенхалифа. Он работал в подпольной организации Национального фронта Алжира. Французы раскрыли организацию и собирались арестовать отца, но он успел уйти в горы, к партизанам. Через несколько месяцев мы с матерью узнали, что он погиб в бою. Ему было тогда тридцать пять лет.

Таких, как отец, у нас много. Вся молодежь из нашего городка Месиля ушла в маки. А французы в отместку стали бомбардировать арабские кварталы. Центр города они не трогали — там дома европейцев. Во время бомбежки погибло много женщин и детей.

А ночью в город пришли партизаны. Они сказали:

— Всех, кто может идти, мы уведем сегодня в Тунис. Переход будет тяжелым. Больных и слабых взять нельзя...

Двадцать дней и ночей мы шли к Тунисской границе по горам и ущельям. В центре отряда беженцы — женщины и дети, а вокруг —

партизаны. Впереди шагал неутомимый Си Сельмум — командир отряда. Он был хмур и неразговорчив, но мы любили его. Мы знали, что Сельмум сбежал из французской армии, чтоб бороться за свободу.

Недалеко от границы, около деревни Гардимау, на нас напали пятнадцать французских самолетов. Они сбрасывали бомбы с удушающими и слезоточивыми газами и обстреливали нас из пулеметов.

Командир приказал беженцам укрыться, а партизанам залечь и стрелять по самолетам. Вместе с другими ребятами я побежал к ущелью. Я помню, что самолет пикировал прямо на нас. Казалось, он врежется в землю. Потом я упал. Когда очнулся, было совсем темно. Вокруг меня стояли партизаны, а рядом на корточках сидел санитар. Он что-то делал с моей ногой. Она горела так, будто

на нее положили угли. Я слышал, как санитар проворчал: «Парень легко отделался...»

Меня положили на носилки, сделанные из винтовок и одеял. Мимо шли люди. Я искал глазами Селима. Мы жили на одной улице. Я не нашел его. Селима уже успели похоронить здесь, в ущелье.

Сейчас мы живем в пригороде Туниса — Марса. Для нас построены четыре большие школы. Мы учимся арабскому языку и ремеслам. Я буду столяром, а мои друзья — портными, слесарями, плотниками. Скоро мы выучимся и будем помогать своему народу.

Ребе Бенхалифа. Алжир

Первое поручение

Меня и мою сестру Марию Эккер недавно приняли в Союз свободной австрийской молодежи. В городе Ленц нам выдали удостоверения и подарки. Мы торжественно повторили лозунг своей организации:

— Юношество должно быть свободно!

Когда в Австрию приезжал Никита Сергеевич Хрущев, мы с Марией выполняли свое первое поручение. Мы носили по улицам и домам знамя земли Штайермар. Разные люди, простые и знаменитые, писали на этом знамени приветствия и ставили свои подписи. Потом наше знамя сшили со знаменами других земель Австрии и подарили Никите Сергеевичу.

Марта Эккер. Австрия

Отпуск мне не полагается

Здесь, в Артеке, природа немного напоминает Кипр. У нас есть такие места неподалеку от Кастрино... Когда я ехал в Артек, я знал уже несколько русских слов — спутник, Юрий, Гагарин... Двенадцатого апреля 1961 года мы праздновали вторую годовщину своей пионерской организации — «Эдонопулон». В этот день Гагарин полетел в космос. У нас было сразу два праздника.

Я живу в деревне Киты округа оф Ларнега в южной части острова. В нашем отряде имени Первого мая тридцать мальчиков и двадцать пять девочек. Праздник Первого мая мы очень любим и всегда принимаем участие в демонстрации.

Наш вожатый — Никос Георгеу. Ему девятнадцать лет. Он член молодежной организации и работает плотником в муниципалитете города Ларнега. Никос — хороший парень. Он помог нам добиться помещения для клуба. Не думайте, что наш клуб большой.

Это глинобитный домик из двух комнат с двориком, где мы проводим линейки.

В клубе собираемся по воскресеньям, потому что многие из нас работают. Мне четырнадцать лет, и я уже работаю электросварщиком в частной мастерской города Ларнега.

Никос тоже живет в нашей деревне, и часто мы вместе возвращаемся домой. Приходим поздно, усталые, а ведь еще нужно учиться. Когда я ленюсь, Никос говорит:

— Тем, кто воевал, было труднее, Гого...

Мне нельзя не работать. У нас в семье, кроме меня, еще шестеро. Когда я уезжал в Артек, хозяин сказал:

— Учти, отпуска тебе не полагается. Денег тоже.

Хорошо еще, если никого не возьмет на мое место! Никос сказал, что скоро нас примут в профсоюз, чтобы мы вместе со взрослыми могли бороться за свои права.

Георгеос Андреу. Остров Кипр

Я немного говорю по-русски

Когда отец сказал мне, что я поеду в Артек, я решил заняться русским языком. Поступил на курсы и через месяц произнес первую фразу: «Я немного говорю по-русски». Отец услышал, попросил перевести, засмеялся и сказал:

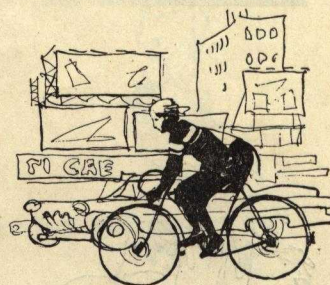
— Не хвастайся!

Я очень люблю отца. Он рабочий-металлист на самом крупном в Швеции заводе. По вечерам я часто помогаю отцу в его мастерской. Там мы делаем картонные коробочки — упаковку для медикаментов. Платят за них немного.

А по воскресеньям я сам зарабатываю деньги. Развожу на велосипеде газеты. Так что свободного времени мало.

В Артеке я подружился с Сережей Романовым из Новосибирска. Сережа помогал мне заниматься русским языком, а говорили мы с ним по-английски. Я мечтаю стать учителем, а Сережа — художником. Он хорошо рисует.

Пэр Виклюнд, Швеция

Мамин

Мое настоящее имя Мари. Мари Мадлен. Но все зовут меня «Мамин», что значит «мачка». Я привыкла к этому имени с детства.

Я родилась в фашистской тюрьме. Мама была посажена туда во время оккупации Бельгии — она работала в организации Сопротивления.

Меня переправили к бабушке, я росла без мамы, и все называли меня Мари. Я уже умела хорошо говорить, когда кончилась война и маму освободили. Она приехала к нам, и я помню, как мне сказали:

— Это твоя мама.

Я бросилась к ней и крикнула:

— Мамин!

С тех пор меня все и зовут Мамин. Мои пионеры тоже. Я ведь уже вожатая.

Мари Мадлен. Бельгия

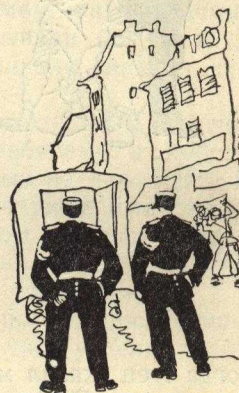
Наш вожатый Роже

Я очень уважаю нашего вожатого Роже. Он настоящий вайян — отважный. Так у нас во Франции называют пионеров.

Роже работает в типографии, а все свободное время проводит с нами. Когда на их типографию напали фашистские молодчики, Роже дрался вместе со всеми. Рабочие оборонялись, чем могли. Швыряли в фашистов клише, матрицы и заставили отступить.

После этого случая Роже вступил в Коммунистическую партию.

Жозетт Поте. Франция

Подарок дяди Хо

Мне двенадцать лет. Я живу в поселке Винь Хуат неподалеку от Ханоя. У нас есть большое озеро. Я люблю плавать и мечтаю стать моряком.

В нашем озере много рыбы. Ловят ее просто майками. Завязывают и черпают...

Прошлым летом четверо ребят ловили рыбу, зашли глубоко, оступились в яму и стали тонуть. Я был недалеко, услышал крики и помог ребятам выбраться. Последнего еле вытащил. Он был старше меня и очень тяжелый.

Потом я ездил в Ханой к Хо Ши Мину. Дядя Хо подарил мне значок, который я всегда ношу на груди.

Буй Суан Де. Вьетнам

Я хочу стать коммунистом

Мой отец Анри Аллег был директором алжирской газеты «Альже Републикен». Он писал статьи, требующие независимости Алжира. Колонизаторы арестовали отца. 10 лет тюрьмы и 300 тысяч франков штрафа за оскорбление суда — вот приговор человеку, который боролся за свободу своей страны!

Целый месяц отец был у парашютистов. Каждый день мы ждали сообщения о его смерти. Мы-то знаем, кто такие парашютисты!

Но отец выдержал все. Мало того — он написал книгу о пытках, которым его и товарищей подвергли враги.

Отец — настоящий коммунист. Я тоже хочу стать коммунистом. Я хочу, как отец, бороться за свободу Алжира.

Андре Салем Аллег. Алжир

От редакции: Андре не знал и не мог знать, что несколько месяцев спустя его отец совершит побег из тюрьмы.

Анри Аллег на свободе! Он борется!

Золотые подвески

Индийская девочка Дейзи пела у костра старинную пенджабскую песню. Она сидела, поджав под себя ноги, и в такт песне тихо похлопывала в ладоши. Дейзи пела и неподвижно смотрела в огонь. Песня была, как видно, грустная.

Только в конце, словно сбрасывая оцепенение, Дейзи тряхнула головой. Она улыбнулась застенчиво и лукаво, искоса глядя и словно спрашивая: «Ну как, вам нравится?»

На следующий день Дейзи неожиданно уехала из Артека, и нам не удалось с ней поговорить. То, что мы узнали о Дейзи, рассказали ее товарищи.

Дейзи у себя на родине знаменитость. Она известная киноактриса. Хотя ей всего одиннадцать лет, Дейзи уже снималась в тридцати фильмах. Почти во всех она играла роль мальчишек.

Когда Дейзи идет по Новому Дели, за ней бегут толпы и просят автограф. В таких случаях Дейзи смущается — она плохо пишет. У Дейзи слишком много работы, она кормит всю семью. Ей некогда учиться в школе. Она почти неграмотна.

Зато, когда Дейзи танцует, в ее ушах вздрагивают и звенят тяжелые золотые подвески...

Есть в Артеке хорошая традиция. Покидая лагерь, каждый увозит с собой уголек последнего, прощального костра.

Горят эти угольки в сердцах и делах ребячьих.

Повсюду разгораются от них веселые костры дружбы.

Увезли на родину артековские угольки и наши знакомые — Пурнима и Ребе, Жозетт и Андре, Буй и Мари, Гого и Оскар.

Это значит — на планете у нас прибавилось друзей.

Это значит — прибавилось силы у тех, кто борется за мир.

Записал А. Крестинский

В. Железников

Рисунки С. Спицына

Третий день я жил в районном центре: ждал направления на работу. Вокруг было много новых совхозов, все они строились, и трудно было решить, куда меня отправить в первую очередь.

В это утро, как всегда, я пришел в исполком. В приемной председателя сидел мальчик.

— Занят? — спросил я и кивнул на дверь председателя.

— Занят, — ответил мальчик.

Дверь в кабинет была приоткрыта, и оттуда доносился возмущенный мужской голос.

— Мы этого инженера ждем шесть месяцев, а ты хочешь его потихоньку отправить в другой совхоз. Нам дома надо строить. Больше я не могу заставлять людей ждать. У меня ведь такой народ! Славный, милый молодой народ или бывшие фронтовики. Они приехали на целину черт знает откуда, а мы с тобой не можем построить им дома. Я тебя и слушать не хочу! Ух, как я зол на вас: вечно тянете. Три дня держать инженера, как кота в мешке. А мой славный народ ждет. Ух, как я зол, от злости прямо голова закружилась!

Я посмотрел на мальчика. Он поймал мой взгляд и сказал:

— Это дед. За инженером мы приехали.

— А как зовут твоего деда? — спросил я.

— Шеголеев Иван Сергеевич.

«Славный народ, славный народ... Ну, конечно, это майор Шеголеев», — подумал я.

Когда я вошел в кабинет председателя, Шеголеев замолчал, сердито посмотрел в мою сторону и отвернулся.

Председатель тоже молчал: видно, не хотел при Шеголееве говорить, что я и есть тот самый инженер, из-за которого идет спор.

А я смотрел в красный, седой затылок Шеголеева и думал: «Ну, что же ты, Шеголеев? Или так постарел, что не узнаешь старых друзей?»

И вдруг Шеголеев оглянулся. Встал и, припадая на левую ногу, почти побежал мне навстречу.

— Алеша, милый Алеша! — Он обнял меня за плечи и все хлопал по спине. — Алеша, дорогой мой! Ах, как я рад тебе! — Он повернулся к председателю. — Мой старый друг. — Потом Шеголеев спросил меня: — Надолго к нам?

— Приехал строить.

— Строить? — Глаза у Шеголеева округлились, а потом он захохотал. Он смеялся от души, до слез.

— Здорово получилось, — сказал он председателю. — Придется у тебя инженера забрать на правах дружбы.

Председатель обиженно поджал губы и нехотя ответил:

— Везет тебе, Щеголеев. Только вы учтите, товарищ инженер, он вас будет уговаривать остаться в совхозе совсем, но из этого ничего не выйдет.

Через час мы уже пылили по грунтовой дороге в совхоз. Щеголеев сам вел машину, его внук Леня сидел рядом с ним.

Щеголеев поминутно оглядывался на меня.

— Машка, Машка будет счастлива! Я все вспоминал: где, думаю, Алеха? Вот бы взял и прикатил на целину. — Щеголеев повернулся к Лене. — Ты что так скептически поджимаешь губы? Не догадался, кто это? Я тебе рассказывал, рассказывал, а ты все забыл.

— За меня не беспокойся, — ответил Леня. — Я ничего не забыл. — Леня незаметно посмотрел на меня. — Просто сомневался. Думал, он не такой.

— А какой же? — удивился Щеголеев.

— Ну, вроде тебя.

— Ты слышишь, Алеша, он считает, что все бывшие военные такие крикливые, как я. Особенно партизаны. Партизаны, партизаны... Ты-то помнишь партизан?

Щеголеев замолчал. И я тоже молчал.

Вспоминал прошлое, военные годы. Смотрел на Щеголеева и вспоминал...

Его привезли ночью. Дверь в палату широко открылась, и две сестры вкатили коляску с раненым.

— Свет, черт побери, свет вы можете включить, хотя бы на одну минуту?! — он не говорил, а просто орал. От этого голоса я сразу проснулся.

Сестра включила свет, и я увидел немолодого мужчину с большим красным лицом.

— Извините меня, терпеть не могу без света укладываться спать. Я все же не крот, и если у нас такие комфортабельные условия, то могу я лечь нормально?

Обе ноги у него были перевязаны.

Наконец он улегся. Сестра потушила свет. Прошло минут пять.

— Вы спите? — спросил он. — Разрешите представиться. Майор Щеголеев. Иван Сергеевич.

— Алексей Петров.

— Какого рода войск?

— Сапер, инженерные войска.

— А я кавалерист. Больше двадцати лет на лошадаках. Многие кавалеристы, знаете ли, переметнулись в танкисты, — сказал он с обидой. — А я нет.

Утром он проснулся и сразу стал звать санитарку.

Санитарка прибежала быстро — все же тяжело раненый и новый, только с фронта. К новым всегда больше внимания.

— Принесите горячей воды. Побриться надо.

— И-и-и... милый, потерпи, — ответила нянечка. — Здесь процедуры поважней.

Он зло почесал подбородок.

— Видали порядки, а у меня, пока не побреюсь, ноги в два раза сильнее болят, черт побери! — Любил он чертыхаться.

Скоро нянечка принесла ему в стакане воду.

Щеголеев вытащил из тумбочки бритвенный прибор, намылил лицо и, лежа, без зеркала побрился.

Он брился каждый день, нещадно выскребая щеки и подбородок. После этого у него сразу улучшалось настроение, и он оживленно крутил своим красноватым отполированным лицом.

— А я из партизан. В сорок первом, зимой, нас отправили в рейд по тылам врага. Дрались, голодали, мерзли. Кони до единого у нас пали. А люди живучие, — все кони пали, а люди выдержали. Тут я подсобрал местных мужиков и остался партизанить в белорусских лесах. Вот и партизанил, пока не пришибли. Разрывной в обе ноги навывает. Черт побери! Снайпер фашистский. Спасибо, что в ноги. Снайперу, я вам скажу, все равно. Он может и голову провинтить в одну секунду. И провинтил бы. Да я голову в окопчик спрятал, а ноги выставил. Маленький окопчик был.

— Вы не скажете, который час? — снова заговорил он.

— Десять.

— Что-то долго нет Машки.

— Знакомая, работает в госпитале?

— Нет, со стороны.

— Могут не пустить. Здесь строго. Главный врач — профессор. Железная дисциплина.

— А я плевал на его железную дисциплину. Я с ним вчера уже побеседовал. Пусть только попробует не пустить ко мне Машку, я камня на камне от его госпиталя не оставлю.

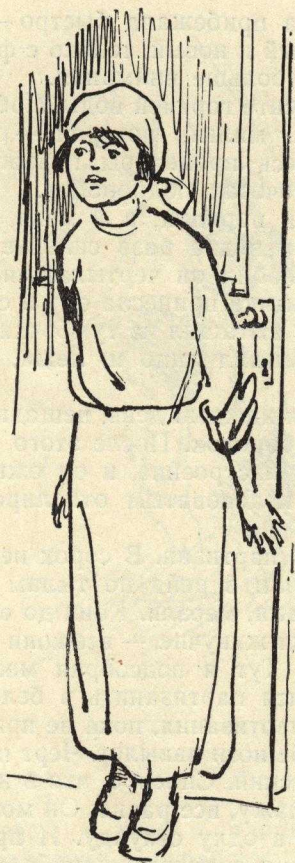
— Что же вы сделаете? — спросил я.

— Что?.. — Он приподнялся на локтях. — Голодовку объявлю. Думаете, обвинят в дезертирстве? Кукиш. Я кадровик, у Котовского в гражданскую воевал и в партизанах остался по доброй воле.

В это время дверь нашей комнаты открылась, и в комнату вошла девочка лет одиннадцати. На ней был длинный белый халат, и волосы повязаны белым платочком.

— А, Машка, наконец-то! Вот вам и Машка, — сказал он мне. — Ты почему поздно?

— Я пришла давно. Там все сердитые такие. Не пускают и разговаривать никто не хочет.

Я им говорю, что в госпитале лежит наш командир и мне надо его проведать. А они говорят: здесь много командиров.

— Командир, командир, глупая башка, — тихо перебил ее Щеголеев. — Назвала бы отцом.

— А тут вышел толстый генерал, — сказала Машка. — Они перед ним вытянулись. Он меня и пустил.

— Это главный. Его здесь зовут «Железная дисциплина». Ну, что я говорил? Он догадался, что со мной лучше по-хорошему. А, сапер?

Мне все-таки показалось, что Щеголеев любит немного прихвастнуть, и я промолчал.

— Как устроилась? — спросил Щеголеев.

— Хорошо. Во всей квартире одна тетенька живет. Анна Семеновна. Она говорит, что вас считали убитым и хотели занять вашу комнату. А она не дала и все это время платила за вас деньги в домоуправление. Она сказала: «Не такой он мужчина, чтобы так легко пропасть».

— Анна Семеновна меня знает, — сказал Щеголеев. — Ты у нее спроси, сколько я дол-

жен ей за квартиру. И отдай. Ну, а куда же остальные соседи подевались?

— Эвакуировались, — сказала Маша.

— Сбежали, значит. Струсили.

— Но почему же сбежали? — спросил я. — Сейчас из Москвы многие уехали. Женщины, старики, дети.

— Раз я говорю струсили, значит, знаю. Я бы их! Ну, пусть живут, тыловые крысы. С запахом на душе не больно сладко жить.

У него был неровный, крикливый характер. И он перескакивал в разговоре с одного предмета на другой с необыкновенной легкостью.

— Ты ела?

Машка кивнула головой.

— Врешь, — сказал Щеголеев. Он полез в тумбочку и достал манный пудинг, который нам давали на завтрак. — Ешь!

— Не хочу. Я ела, и чего вы ко мне пристали!

— Ешь, я тебе приказываю! Видали, какая взрослая стала, стесняется.

Он сказал, когда Маша ушла:

— Грубоват я, сам знаю. Часто кричу без толку. Солдафон. — И сердито добавил: — Но своих детей никогда у меня не было, и поэтому тонких родительских чувств не переживал. Не знаю, как они там обожают своих ребятишек. А Машку я в одной деревне подобрал, когда партизанил.

Во время ужина объявили воздушную тревогу, и все пошли в бомбоубежище.

Я тоже прямо из столовой пошел в бомбоубежище. После отмены тревоги вернулся в палату.

— Слава богу, что пришли, — сказал Щеголеев. — Заждался. Вот телефон. Звякните, узнайте, как Машка.

Я долго звонил по телефону. Никто не снимал там трубку.

— Не отвечает? Ах, черт возьми! Волнуюсь я, прямо руки трясутся.

— Они, вероятно, ушли в бомбоубежище и еще не вернулись, — сказал я.

— Не успокаивайте меня! — зло перебил он. — Я сам знаю. А вы лучше еще раз позвоните.

Я звонил пять раз и наконец дозвонился.

Оказывается, Анна Семеновна с Машкой прятались в метро.

— Молодец Анна Семеновна, — сказал Щеголеев. — Нечего зря головой рисковать. Бомбоубежище могут пробить или дом завалится, а в метро надежно.

Ноги, видно, у него очень болели. Он восне стонал. А днем, когда разговаривал, про них даже ни разу не вспомнил. Только во время перевязок всегда просил меня уйти.

— Неприятно смотреть, знаете ли, — сказал он. — Все там разворочено и запах не из приятных.

Через несколько дней к нам зашел главный врач.

— Вот что, майор, — сказал он Щеголееву. — Правую ногу надо прооперировать, неровно срастается. А? — Он встал на колени перед кроватью Щеголеева и приложил ухо к его груди. — Сердечко пошаливает. Надо беречь сердце. Ну, хочешь, чтобы нога была хорошая?

— Не возражаю, — сказал Щеголеев.

— Тогда будем оперировать. Но без наркоза. Сердце надо беречь. Согласен?

— Согласен, — ответил Щеголеев.

Перед операцией он сказал мне:

— Машке не говори, что операция. Скажи: увезли на перевязку или на снимки в рентгеновский кабинет. А ее отправь домой, пусть приходит завтра.

Щеголеева привезли через три часа. Его красное отполированное лицо было на этот раз белым, как простыня, которой он был накрыт.

— Почему он спит? — удивился я. — Ведь ему должны были делать операцию без наркоза.

— Ох, лучше не вспоминать, — ответила сестра. — Дали ему наркоз. Когда уже все приготовили к операции и разбили гипс на ноге, он вдруг говорит профессору: «Я без наркоза на операцию не согласен». В общем, боевой между ними получился разговор. Но товарищ майор профессора нашего перекричал, и вот сделали.

Когда Щеголеев очнулся, его начало тошнить. В перерыве между тошнотой, он все же сказал мне:

— Терпеть не могу боли. Мне в гражданскую в колена кость сверлили, тоже после ранения, так я этого никогда не забуду. А главный хорош, его в кавалерию вполне можно взять. Еле я его одолел.

После операции дела Щеголеева пошли лучше. Месяца через два, к тому времени, когда меня выписывали, он уже спускал ноги с кровати.

— Машка, — сказал Щеголеев, — сейчас Алеша пойдет на первую прогулку, а ты будешь его сопровождать. — Он хитро улыбнулся. — И знаете, куда вы пойдете? Вы пойдете в главный партизанский штаб, узнаете, как мои ребята.

Спорить со Щеголеевым было бесполезно, и мы с Машей, конечно, отправились в партизанский штаб. Там я узнал, что с отрядом Щеголеева совсем плохо. Их накрыли фа-

шисты, и отряд ушел в болота. Посылали самолет, но никого не нашли.

Я вернулся и в мягких тонах рассказал все Щеголееву.

— Ты не темни, не темни! Говори прямо.

А когда я рассказал ему прямо, он сильно расстроился.

— Ах, какие славные, славные там ребята! Ведь им теперь из болота не выйти. Дураки, погибнут в болоте, засосет их. Умрут с голоду. Только я мог бы их разыскать и спасти. — Вдруг он изменился в лице. — Ну да, Машка... еще Машка знает, где их найти. Она все знает.

Весь день он вставал и ложился. Без конца повторял одни и те же слова: «Машка знает. А там люди, славные люди...»

— Ты знаешь, там один мальчишка есть. Шестнадцать лет. Прирожденный математик. Настоящий Лобачевский. Однажды во время бомбежки высчитал скорость падения бомбы. А еще там есть агроном, тоже молодняк. Так он в лесу картошку сажал, особый сорт выращивает к мирному времени. В Белоруссии бульба — важнейшая культура. Слушай, — он схватил меня за руку. — Слушай, Алешка, полетел бы ты к ним, а? Ведь пропадут. А? Ну, приедешь ты в новый полк, ни одного знакомого. А здесь тебя, как родного, примут, руки будут целовать. Ты сапер, ты им такую оборону устроишь. Ходы подземные.

— Ну что ты, Иван Сергеевич. Кто меня отпустит и как я их там найду? Ерунда!

— Да ты слушай, слушай! Вы там в один день оборудуете посадочную площадку и примете самолет с Большой земли. Я Машку отправлю с тобой. Она тебя отведет к партизанам. Я бы мог через штаб найти подходящего человека, но мне Машку жалко. А ты ее знаешь. Машку посылаю, понял? Слушай, Алешка, согласишься, ведь какое славное, благородное дело сделаешь. Руки тебе будут целовать женщины.

— Ладно, — согласился я. — А без Машки нельзя? Ведь на парашюте прыгать надо.

— Нет, без Машки ты ничего не найдешь. Без Машки — это все равно что цирковой номер под куполом без тренировки.

На следующее утро я отправился в партизанский штаб.

— Ты наседай на них. Не уходи, пока не дадут согласия, — сказал Щеголеев.

Я пробыл в штабе весь день, но ничего не добился.

— Чиновники, — сказал Щеголеев. — Тыловые крысы. Отказать в таком деле!

— Они не отказали. Но им надо проверить

меня, договориться с армейским отделом кадров, доложить начальству.

— На это уйдет две недели. А там люди погибают, — сказал он. — У меня от волнения ноги разболелись. — Он позвонил сестре. — Мне нужен главный врач.

— Я ему сейчас передам, — сказала сестра. — Вам плохо?

— Нет. Но мне нужен главный врач.

— В чем дело? — сухо спросил главный врач. — Что еще за паника?

— Да никакой паники, — сказал Щеголеев. — Помощь ваша нужна, товарищ генерал. — Щеголеев рассказал все.

— Вас знают, вам это ничего не стоит. А Алешка кто? Жалкий саперный капитан. А тут нужно давить.

— Попробую, — сказал главный врач. — Попробую, но мне не особенно нравится вся эта история с девочкой. — Он посмотрел в лицо Щеголеева и увидел его глаза. Не знаю, что он там в них увидел, но только он тут же встал и ушел.

Главный врач принес хорошие новости. Мы должны были лететь не одни, с нами летело пятнадцать молодых ребят из десантных частей.

— Ну, теперь отлично, — сказал Щеголеев. — Теперь вы там наведете порядок. Десантники — отчаянные ребята.

Когда Щеголеев прощался с Машей, он плакал. Слезы стояли у него в глазах, и он совсем сник.

— Машка, ты там осторожнее. Алеша, следи за Машкой. Черт возьми, до чего я волнуюсь!

— И чего вы разволновались, — сказала Маша. — Совсем на себя непохожи. А помните, как я ходила в Домниковку, когда в ней немцы были? И ничего?

— Ничего, — сказал Щеголеев.

— А помните, я осталась в лесном лагере, и наскочили немцы. И я убежала. И ничего?

— Ничего, — Щеголеев смотрел ей в лицо с напряженным вниманием. — При первой возможности — сразу обратно. Слышишь, Машка? Это не детское дело — шататься по партизанским отрядам. Сразу обратно, тебе надо в школу!

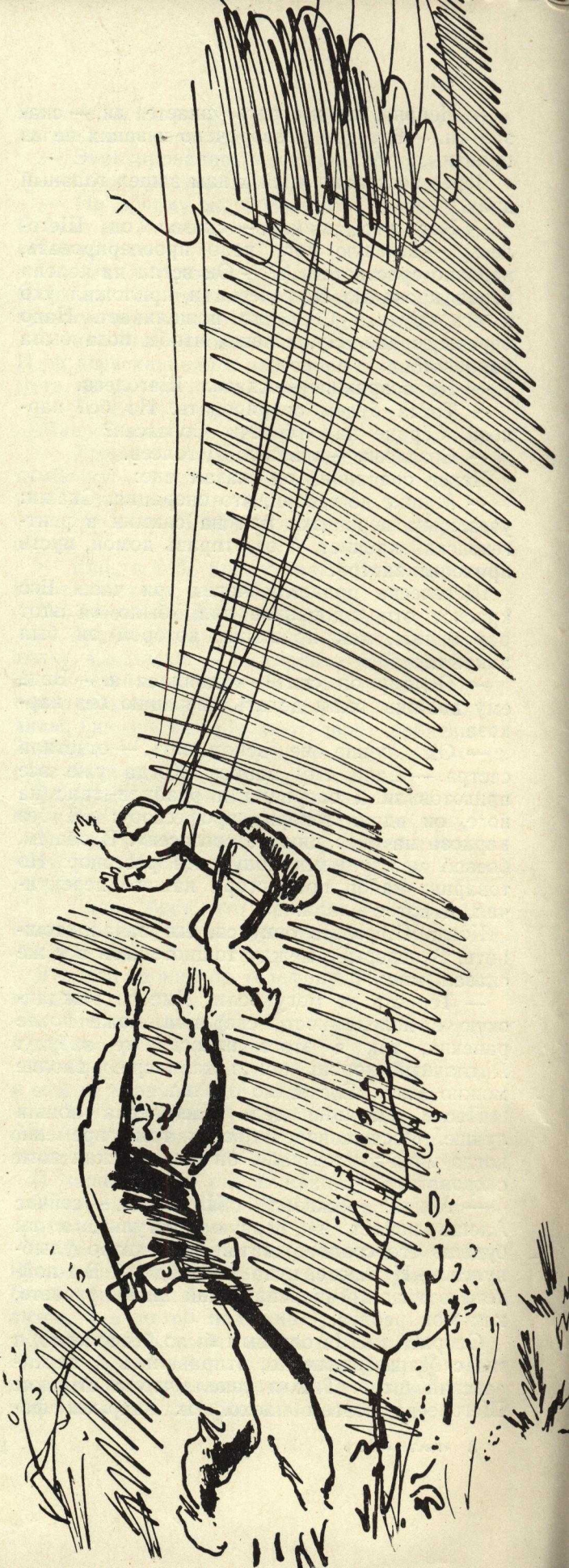
— Я сразу. Вы не волнуйтесь.

Потом Щеголеев несколько раз поцеловал ее и сказал:

— Ну, дочка, иди.

* * *

Взрослому человеку трудно прыгать с парашютом, а то девочке... Легонькая она, поэтому в ее парашюте сделали несколько ды-

рок и привесили груз, чтобы не повисла в воздухе.

Вылетели ночью, к рассвету добрались. Машу сильно укачало.

— Ну, Маша, пора, — сказал я, а сам подумал: «Еще ни разу такие маленькие не прыгали с парашютом».

Я открыл дверь — там была серая пропасть и холод. А земли не было видно.

— Как только ты прыгнешь, тебя сразу перестанет тошнить. Я первый, а ты за мной.

Она подошла ко мне, и я крепко пожал ее ладошку. И вспомнил Щеголеева, его нервное, подвижное лицо. «Не спит сейчас, — подумал я, — беспокоится о Машке».

Я прыгнул, раскрыл парашют и стал вертеться, искать в небе Машку. И когда я ее увидел, когда я увидел эту крохотную черную точку, этот маленький комочек, я заплакал... А следом за нами попрыгали все ребята.

Я начал дергать за стропы парашюта, чтобы ускорить свое падение. Мне нужно было застраховать Машу на земле, она сама бы не справилась с парашютом. Она могла разбиться.

Приземлился, погасил парашют, быстро отстегнул лямки и побежал к тому месту, где опускалась Маша. Я зацепился за сук дерева, разорвал куртку и поранил руку, но все же успел. Подхватил Машу на лету и поцеловал.

Так я был рад, что всё закончилось благополучно.

Когда все собрались, я сказал:

— Отсюда надо быстрее уйти. Нас могли засечь немцы. Соображаешь, где мы?

— Да. Мы здесь до войны всегда землянику собирали. Немцы сюда не пойдут. Они из лесу не дают выйти, а сюда они редко добираются.

Она чувствовала себя в этом лесу, как в родном доме, и совсем не боялась. Она даже не боялась ночевать в темном лесу. Я лежал с открытыми глазами и ловил лесные шорохи, а она преспокойно спала.

Мы нашли партизан на третьей сутки. Они, когда увидели Машу, так прямо не знали, что делать от радости.

А через несколько дней мы приготовили площадку и с Большой земли прилетел са-

молет с боеприпасами и продуктами. Машка на этом самолете улетела в Москву.

* * *

Щеголеев остановил машину. Он оглянулся.

— Вспомнил старое? — догадался он. — Надо отдохнуть. Жара, и ноги затекли.

— А у тебя сердце не болит? — спросил Ленья.

— Видал наблюдателя? Машка приставила. Везде за мной ходит. Прилип. — Он повернулся к Лене. — Не болит у меня сердце. У меня никогда не болит сердце, это вы все с мамой придумали.

— Ну и хорошо, что не болит, — спокойно ответил Ленья.

— А Маша что делает в совхозе? — спросил я.

— Машка — учительница. Строга до ужаса, — Щеголеев вынул из кармана фотокарточку. — Вот она, полюбуйся.

Это была совсем взрослая женщина. Столько ведь лет прошло.

— Маша похожа на тебя, Иван Сергеевич, — сказал я. — И нос другой, и глаза не твои. А все равно похожа.

Щеголеев довольно улыбнулся.

— Я тебе потому и показал. Хотел проверить: не ты первый это подметил. У меня с ней родственные души. У нее даже мои привычки.

Щеголеев тяжело вздохнул.

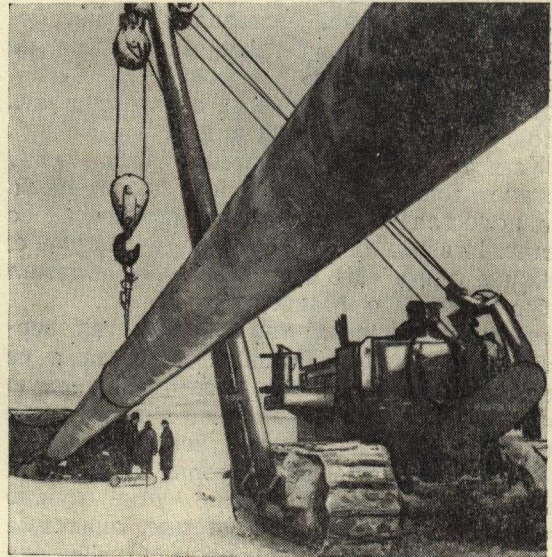
— Скоро уйду на пенсию, буду сидеть около Машки и отдыхать. Буду ребятишкам рассказывать про эту проклятую войну. Люди быстро забывают прошлое, а ребятишкам надо знать, как нам все это нелегко досталось.

— Поехали, что ли? — позвал Ленья.

— Поехали, — ответил Щеголеев.

Он шел к машине впереди меня. Я посмотрел в его широкую, по-военному прямую спину и подумал: «Никогда ты не будешь сидеть возле Машки. Характер у тебя беспокойный. Если так сидеть, то нужно прислушиваться к перебоям сердца и к боли старых ран и ждать смерти. А ты ведь не захочешь прислушиваться».

Щеголеев изо всех сил старался не хромать и опирался на палку. Но он сильно хромал.

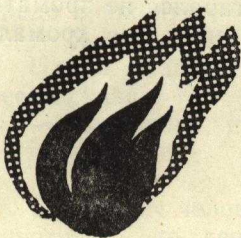

Нефтепроводу "Дружба" — пионерский металл! Здесь будет проложен этот дюкер — стальное русло будущей нефтяной реки.

Первый костер

Рассказывает

Клеопатра Константиновна Максимова — одна из первых комсомолок, участница гражданской войны

...Я помню, как мы, еще совсем молодые комсомольцы, упорно рылись в книгах, искали новые формы работы с детьми, игры, которые бы их увлекли. Мы ломали голову над тем, как назвать ребят, вступающих в детскую организацию. Теперь уже трудно сказать, кто первый произнес слово «пионер», да это и неважно.

И вот мы сидим в просторном кабинете, у Надежды Константиновны Крупской. Надежда Константиновна забросала нас вопросами: — Любим ли мы ребят? Работали когда-нибудь среди детей? Что читали?...

У Надежды Константиновны был замечательный голос, проникающий прямо в сердце человека. В ее голосе чувствовалось глубокое внимание к собеседнику.

— Вы хотите назвать организацию «пионерской», — сказала Надежда Константиновна. — Мы говорили об этом с Владимиром Ильичем. Что ж, предложение правильное. Пусть это звание заставляет ребят стремиться к новому.

Кто-то вспомнил о девизе организации. Стали спорить. Надежда Константиновна внимательно слушала нас, потом сказала:

— А вы помните, как говорил Владимир Ильич: «Мы должны вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему». «Будьте готовы!» — говорил товарищ Ленин, и большевики не боялись никакой, самой тяжелой, самой черной работы. И в канун революции ленинская партия была готова — она сразу повела за собой рабочих и крестьян...

Так наша детская коммунистическая организация была названа пионерской, а ленинский призыв стал девизом пионеров. Тогда же решено было провести первый сбор — костер в Сокольниках 19 мая 1922 года.

...Хорошо помню этот чудесный теплый майский день. Веселыми шеренгами, с песнями шли ребята Сокольников, Хамовников, Красной Пресни. Дети рабочих собрались на свой большой праздник. Они были плохо одеты, многие босы, но на груди у каждого алел красный галстук.

Поздним вечером на поляне запылал огромный костер. Ребята внимательно слушали Сережу Тарханова, члена ЦК комсомола.

— Впервые в истории русского рабочего движения, — говорил Сережа, — под одним и тем же знаменем стоят старик-рабочий, женщина-работница, юный пролетарий и пролетарский ребенок...

А когда над поляной раздался призыв:

— Пионеры! К борьбе за дело рабочего класса будьте готовы!

Участники первого пионерского костра дружно ответили:

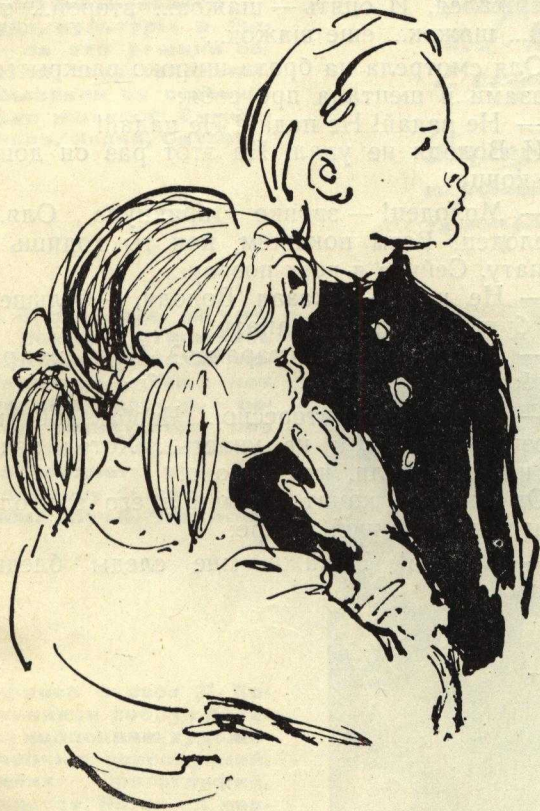
— Всегда готовы!

После представления

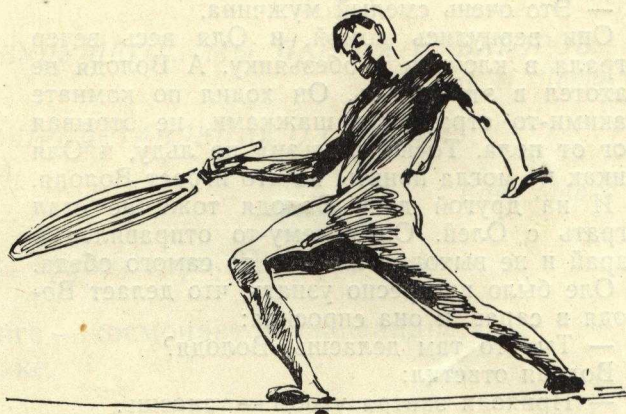
Из рассказов о Володе Ульянове

Н. Ходза

У Володи была сестра. Ее звали Оля. Однажды Володя и Оля попали на цирковое представление. Артисты показывали свои номера на городской площади.

Представление начали клоуны. Их было два. Один — рыжий-рыжий, прямо огненный. И щеки у него были вымазаны красной краской. А у другого клоуна щеки были накра-

Рисунки Р. Фридман

шены белой краской. И на голове у белого клоуна торчал колпак с колокольчиками. Белый клоун бил рыжего метлой по голове. И тогда огненные волосы клоуна вставали дыбом, а из головы взвивались тоненькие струйки воды. Вроде фонтанчика. И все над этим смеялись. А Володя не смеялся. Ему не нравилось, что клоун в колпаке бьет ни за что рыжего. Правда, потом Володя немного повеселел. Потому что Рыжий терпел-терпел, но вдруг рассердился, вырвал из рук драчуна метлу и начал ею мутузить по колпаку своего обидчика. А тот так отчаянно дергал головой, что колокольчики на его колпаке начали вызванивать «барыню».

После клоунов на площадь выбежала маленькая обезьянка. Она была в широких клетчатых штанах, на голове ее красовался красный цилиндр. Обезьянка проделывала уморительные номера. Она курила сигару, стреляла из пистолета, подбрасывала и ловила свой цилиндр и так здорово кувыркалась, что напоследок с нее слетели широкие клетчатые штаны.

И все зрители громко хлопали в ладоши и хвалили умную обезьянку.

Потом показывали свои номера фокусники, наездники и силачи. Это тоже было интересно.

Но больше всего Володе понравился канатоходец. Высоко над землей протянули канат, по канату ходил человек в блестящем зеленом костюме. Он не просто ходил. Человеку завязали глаза зеленым платком, и он сделал сальто. С завязанными глазами!

Володя следил за каждым движением артиста.

— Это очень смелый мужчина! — сказал он Оле.

И Оля тоже сказала:

— Это очень смелый мужчина.

Они вернулись домой, и Оля весь вечер играла в клоунов и обезьянку. А Володя не захотел в это играть. Он ходил по комнате какими-то странными шажками, не отрывая ног от пола. Точно скользил по льду, и Оля никак не могла понять, во что играет Володя.

И на другой день Володя тоже не стал играть с Олей. Он почему-то отправился в сарай и не выходил из него до самого обеда.

Оле было интересно узнать, что делает Володя в сарае, и она спросила:

— Ты что там делаешь, Володя?

Володя ответил:

— Приходи завтра утром — узнаешь.

Наутро Оля поспешила в сарай и вот что она увидела. Высоко, под самой крышей, была протянута толстая веревка. На веревке стоял Володя.

Оля испугалась и закричала:

— Володя, упадешь! Слезай скорее!

— Отойди, пожалуйста, в сторону, — сказал Володя. — Я могу ушибить тебя, если упаду...

И он медленно двинулся вперед. До середины каната он добрался благополучно, но здесь потерял равновесие, пошатнулся и полетел вниз.

Оля испуганно вскрикнула. Володя поднялся с земли, потер ушибленное колено и сказал:

— Пустяковая высота. Не больше сажени. Вот увидишь, добьюсь своего. Пройду по всему канату!

— Давай опустим веревку пониже, — предложила Оля. — Тогда тебе не будет страшно...

— Не будет страшно, тогда и ходить неинтересно, — сказал Володя и взобрался по лестнице на канат.

И опять его постигла неудача. Володя снова упал. Оля успела заметить, как он сморщился от боли.

— Пойдем лучше играть в индейцев, — сказала она. — Близ нашего вигвама я видела следы презренных бледнолицых!..

— Пока не пройду по канату — играть не буду, — сказал упрямо Володя.

И Оля поняла, что спорить с ним бесполезно. Она села в уголок и стала ждать, что будет дальше.

...Много раз еще падал Володя с каната, но он и не думал отступать от своего.

— Володя, — снова начала Оля, — если не хочешь в индейцев, давай ходить на ходулях... На перегонки...

Володя даже не ответил сестре. Он посидел немного на лестничной перекладине, потом вынул из кармана кусок мела и натер им подошвы ботинок. Оля вспомнила, что канатоходец тоже натирал чем-то белым подошвы своих зеленых туфель.

И вот Володя уже на канате. По всему видно — он очень устал. Он даже побледнел, а на лбу его выступили капельки пота. Володя сделал шаг... другой... третий... Короткие, скользкие шажки. Так он дошел до середины каната... и снова пошатнулся. Но Володя взмахнул несколько раз руками и удержался. И опять — шажок... второй... третий... шажок... еще шажок...

Оля смотрела на брата широко раскрытыми глазами и шептала про себя:

— Не падай! Не падай! Не падай!

И Володя не упал. На этот раз он дошел до конца.

— Молодец! — звонко крикнула Оля. — Молодец! Всем покажем, как ты ходишь по канату. Сейчас я всех позову.

— Не надо, — сказал Володя, — больше я не буду ходить по канату.

— Зачем же ты старался? Чуть не расшибся!..

— Мне было интересно... Чтобы добиться своего — пройти и не упасть... Хотел знать, не испугаюсь ли, что высоко.

Он отвязал канат, швырнул его в угол и сказал удивленной сестре:

— Пойдем! Покажи мне следы бледнолицых!

ПИОНЕРЫ

МЫ ПАРТИЯ БУДУЩЕГО... МЫ ПАРТИЯ НОВАТОРОВ...

В. И. Ленин

Вопрос: ВАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ?

Ответ: БОРЬБА.

Карл Маркс

Ты слышишь? Бьет барабан. Трубит горн. Пионер, станова-
вись на линейку!

Смотри, на ее правом фланге — космонавт в скафандре,
седой ученый, рабочий в спецовке.

Кто это? Это — пионеры.

Это те, кто первыми идут по тропе, первыми проникают в
тайны, первыми находят разгадки доселе неведомого, скры-
того, удивительного.

Бьет барабан. Рапортуют взрослые пионеры.

Не бригада, не завод,
а город, целый город
коммунистического
труда, культуры и бы-
та — за это решили бо-
роться севастопольцы.
И вызвали на соревно-
вание жителей Симфе-
рополя, Керчи, Одессы.

*Выписка из протокола № 16
Заседания членов РКП(б) 1-го созыва при депо Сортиро-
вочная. Разреш. от 13/IV-1960. Присутствовало 12 человек
2 созыва*

*Доклад тов. Куракова
об усилении работы
коммунистов.*

*Провести в депо протокол
№ 15 то есть отработать ком-
мунистами субботу с 8 часов
вечера до 6 часов утра, что и был
лишь отремонтированы при
перевозе холодного состояния
технического ремонта*

В Волгограде, на ули-
це Ленина, открылась
необычная детская по-
ликлиника. Там нет
штатных врачей, се-
стер, санитарок: все
трудятся бесплатно.
Возглавляет эту по-
ликлинику бывший во-
енный врач И. Чистяков.

Офицер запаса Д. Ко-
тельников собрал бога-
тую коллекцию художе-
ственных репродукций,
редких фотографий,
планкотов. Но он не де-
ржит это богатство под
замком. Он организо-
вал в клубах и домах
культуры Ленинграда
пятьдесят различных
выставок.

Депо Москва — Сортировочная,
1919 год.

Здесь состоялся первый в мире
коммунистический субботник.

Впервые в истории люди собрались
и поработали для общего дела бес-
платно. «Великим почином» назвал
такие субботники Владимир Ильич
Ленин.

Депо Москва — Сортировочная,
1960 год.

Здесь возникла первая в мире бри-
гада коммунистического труда. Впер-
вые в истории прозвучал здесь при-
зыв, к которому сегодня мы уже при-
выкли:

«Учиться, работать и жить по-ком-
мунистически».

Всегда считалось: доить коров — женское дело. Колхозник артели имени Суворова Калужской области И. Митяхов один из первых стал дояром. И занял первое место в областном соревновании за высокие удои!

В военно-учетном столе поселкового совета Свесса (Сумская область) теперь работают не двое человек, как положено по штату, а один — В. Шинкаренко. Он исполняет двойные обязанности. От дополнительной оплаты он отказался.

12 апреля и 9 августа 1961 года, — эти дни по праву можно называть пионерскими.

Сейчас прозвучит звонок, и они расстанутся. Так было повсюду — тысячи юношей и девушек ехали в далекие суровые края.

Они заново налаживали там жизнь, возводили города и села, прокладывали дороги, выращивали хлеб.

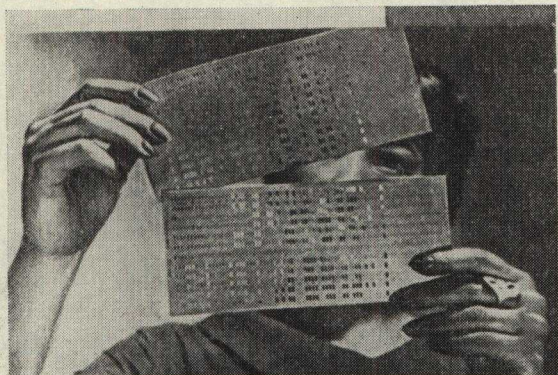
Они были первыми в необжитых целинных краях, пионерами в самом точном смысле этого слова.

С того дня, как люди впервые вспахали землю, с тех пор, как люди сорвали с деревьев первые плоды, они зависели от земли, от погоды, от урожая.

Так продолжалось тысячи лет. Пришел Мичурин и начал войну за независимость человека от природы.

Он призывал не ждать милостей от природы, переделывать ее так, как нам нужно. Каждый новый сорт растений — это годы, прожитые в подвиге. Он вывел свыше трехсот таких сортов.

Чудо техники XX века, электронносчетная машина взялась за дело.

Программа, заложенная в нее, была на этот раз совсем диковинной.

Молодые ученые Э. Евреинов, Ю. Косарев и В. Устинов научили машину расшифровывать рукописи древнего народа майя — рукописи, которые до того никто уже не надеялся прочесть.

Найден новый, небывалый способ работы над памятниками старины.

За несколько часов до казни в камеру к смертнику пришел адвокат. Надо было написать прошение о помиловании.

Но узник не принял адвоката. Ему было некогда. Он был очень занят.

В последние часы своей жизни ученый-химик, революционер Николай Кибальчич работал над проектом первого в мире летательного аппарата с ракетным двигателем.

В коммунальной квартире большого ленинградского дома три семьи. В каждой семье — дети. Игрушки, книжки, сладости им покупают не порознь, а всем на всех. Родители решили: пусть малыши не знают слово „мое“, пусть привыкают к слову „наше“!

Издавна повелось: сахарную свеклу возделывают вручную, тратят на это много сил.

Герой Социалистического Труда В. Светличный со своим звеном целиком механизировал труд свекловодов.

«Нам приходится, — сказал Светличный, — прокладывать неизведанные пути в свекловодстве». Его звено тратит теперь на гектар в четырнадцать раз меньше времени, чем раньше.

Вот чем известен кубанский механизатор. Вот почему его так тепло приветствовал Никита Сергеевич Хрущев.

Шесть лет назад в глухой кедровой тайге на берегу реки Иркут орловские комсомольцы поставили палатки.

Теперь там город Шелехов, названный в честь замечательного русского землепроходца, и огромный алюминиевый завод.

Из первого выплавленного алюминия отлита вот эта памятная медаль.

Коснуться сердца — значит убить человека. Но больные нуждаются в помощи. И скальпель хирурга рассек серд-

ечную ткань. Советские ученые П. Куприянов, А. Вышинский, Б. Петровский и другие начали делать операции, каких никто никогда не делал.

На фото — самый молодой из прославленных хирургов Е. Мешалкин и спасенная им девочка.

Девушка входит в университетскую аудиторию, и тотчас сотни студентов вскакивают со скамеек и поворачиваются к ней спиной.

Что случилось? Может быть, эта девушка в чем-нибудь виновата?

Нет. Просто студенты считают, что женщине нет места в науке.

Трудно приходилось великому математику Софье Васильевне Ковалевской.

Она преодолела все препятствия на своем пути. Она доказала не только сложнейшие теоремы, но и ложь тысячелетнего предрассудка.

Когда В. Хорошунов начал работать лесником в Аргединском лесхозе Волгоградского края, ему выделили небольшой домик-сторожку. А собственная его изба оставалась в родном селе.

Приехали как-то к леснику земляки. Между прочим, пожаловались: школе надо строить помещение для интерната, но не хватает материала, нет рабочих.

„Зачем строить? — спросил Хорошунов. — Вот вам ключи от моей хаты. Открывайте интернат“.

Поглядите на фотографии египетских пирамид, на стены древних соборов. Сколько мучительно-го труда ушло, чтобы обтесать камни, из которых они сложены!

Член-корреспондент Академии наук Казахской ССР А Бричкин после долгих поисков предложил каменотесам невиданный инструмент.

Реактивная горелка, «огненный резец», словно нож в масло, входит в камень.

Каменотес за двадцать часов обрабатывал один квадратный метр. Рабочий с горелкой за час обрабатывает четыре квадратных метра.

80:1 — с таким счетом выиграла горелка у молотка и резца!

Свыше двадцати лет живет на севере Камчатки в селе Онлан В. Фомичев. Он очень любит книги и не устанно собирает их.

Недавно он составил список своих книг и передал его в местную библиотеку. Теперь, когда читатель не может найти нужную литературу, библиотекарь говорит: „Не огорчайтесь. Посмотрите в „Каталоге Фомичева“.

Рисунок из книги «Степь бороздят автоматы». Автор книги — рабочий-изобретатель Логинов.

Не раз задумывался Иван Логинов, как облегчить труд тракториста.

Инженеры недоверчиво качали головой над его чертежами.

«Такого еще не бывало. Это невозможно», — вот что говорили Логинову ученые.

Ему не хватало знаний. Он кончил техникум. Он сделал сотни деталей своими руками. Прошло время.

По полю мимо Ивана Логинова ехал трактор. В кабине никого не было.

К. Э. Циолковский жил в заолульном городе Калуга.

В те времена даже в сказках, на ковре-самолете, никто выше гор не поднимался. Еще никто не видел автомобиль, а Циолковский думал о межпланетных путешествиях.

Над глухим учителем потешались: лазит, чудак, на крышу с подзорной трубой, полночиичает над несуразными чертежами и моделями.

А он разрабатывал проекты полета в космос, закладывавал основы целой науки — астронавтики...

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я работал на строительстве линии Миасс — Учасы. Сейчас эта дорога готова. Можно было бы остаться на старом месте, работы и здесь хватит. Но мне хочется поехать туда, где труднее. Прошу направить меня на дальневосточную транспортную стройку.

Г. Игнатьев
г. Златоуст
Челябинской обл.

Пионеры... Им трудно. Иногда — страшно. Иногда — одиноко. Но они идут. Потому что в их груди бьется горячее сердце. Потому что больше, чем о себе, думают они о благе народа.

Придет время — и ты, юный ленинец, приступишь к взрослым делам. Будь и тогда пионером! Этого ждут от тебя старшие братья. Ждет огромная пионерская дружина — твоя страна.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза не даром сказано:

«СОВЕТСКОМУ НАРОДУ ВЫПАЛА ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЗАЧИНАТЕЛЯ, ПИОНЕРА В ПРОКЛАДЫВАНИИ НОВОГО ПУТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ».

Вот оно — богатство Днепропетровщины! В горячую пору, пору урожая, пионеры из села Мишуриного всегда готовы прийти на помощь колхозникам. Но и сами ребята здесь умеют выращивать кукурузу ничуть не хуже взрослых. Недаром теперь Мишуриного называют столицей озерной, столицей юных кукурузоводов.

История одного звена

Б. Никольский

Фотография слегка выцвела. Фотография стала музейной ценностью.

И теперь уже не так-то просто точно установить, с чего именно все началось.

Рассказывают, что однажды пришел Марк Евстафьевич Озерный, Герой труда, знатный кукурузовод, на торжественный сбор к пионерам. Под звуки горна, под праздничную дробь барабана приветствовали Героя ребята, рассказывали

шебник вырастил здесь эту великанскую кукурузу. И початков видимо-невидимо, и все один к одному — настоящее чудо. Нет, никогда раньше не видели ребята такой кукурузы. Эх, если бы самим вырастить такую!..

А Марк Евстафьевич точно угадал их мысли, улыбнулся в пышные седые усы:

— Хотите, научу?

Еще бы не хотеть!

А другие говорят, что нача-

Евстафьевич. А приходил за помощью. Людей у него в бригаде было в обрез, а забот — много: нужно и удобрения вывезти, и семена подготовить — вот и решил он искать помощников в школе.

Ребята, конечно, рады: кто же откажется помочь Герою?! Пошли по дворам — собирали золу, куриный помет, лущили початки на семена, словом, помогали, как могли. Тогда-то и началась дружба пионеров с

Этот снимок сделан тринадцать лет назад. В центре М. Е. Озерный, крайний слева — самый первый звеньевой Юра Кошин.

о своих делах. А потом от- правились на участок к Озерному. Пришли и ахнули — словно не человек, словно вол-

лось всё с золы. Да, да, с са- мой обыкновенной золы. И что вовсе не на торжественный сбор приходил тогда Марк

Озерным. И звено появилось тоже тогда.

Нет, не так было, — утвер- ждают третьи. Проще. Мол,

сам Марк Евстафьевич пришел в школу и предложил: давайте-ка создадим пионерское звено высоких урожаев. И пусть участок у ребят будет свой и работают они самостоятельно. Только одно условие: чтобы все было строго по науке. Пусть учатся выращивать настоящие урожаи.

Трудно теперь установить точно, как все начиналось. И кто прав. А скорее всего, правы и те, и другие, и третьи. Потому что и на пионерских сборах Озерный бывал, и золу для его бригады ребята собирали, и уж, конечно, о пионерском звене высоких урожаев он заговорил первым.

Нет, Марк Озерный не был волшебником. Но целых двадцать лет он отдал любимому делу. Двадцать лет он выращивал кукурузу. И десятки тайн, больших и маленьких, знал этот человек. И не хотел, чтобы тайны эти оставались тайнами для других. И еще он мечтал о том, чтобы ребята полюбили свое дело так же, как он...

Вот потому-то так часто и видели в школе седоусого неторопливого человека с золотой звездой на груди...

* * *

Ни много, ни мало — тринадцать лет прошло с тех пор.

Давно уже кончили школу первые ученики Марка Озерного.

Совсем другие мальчишки и девочки сидят теперь за партами.

И сам Марк Евстафьевич никогда больше не поднимется на школьное крыльцо, не войдет в класс...

А звено есть. Звено существует!

Тринадцать лет каждую весну выходят шестиклассники на свой участок.

*Говорит звеньевой
Гриша Ткаченко:*

— В это лето нам один раз пришлось очень трудно. Это когда дожди шли. И нашу кукурузу совсем залило. Мы ее окапывали и воду отводили. Было очень мокро и грязно, но все равно все ребята работали хорошо...

Говорит Валя Шуть:

— А те стебли, которые побило, мы поднимали. И еще мы вносили минеральные удобрения, точно, как Марк Евстафьевич советовал. И искусственное опыление делали, как Марк Евстафьевич учил. Откуда мы знаем? А мы его книжку читали. У нас в библиотеке есть. „Как я выращиваю кукурузу“ называется. Мы ее все читали... И вслух и так — каждый про себя...

Тринадцать лет каждую весну ложатся в землю янтарные зерна, потом тянутся к небу зеленые ростки и наливаются, тяжелеют к осени упругие початки.

Впрочем, пусть об этом рассказывают сами ребята.

Прошлой осенью неплохой урожай собрали ребята — 41 центнер зерна кукурузы с полгектара.

А в этом году на школьный участок выходит уже новое звено — теперешние шестиклассники.

А Валя, Гриша и их товарищи уже в седьмом. И теперь они занимаются в школе озернят. Изучают основы сложной науки — агротехники. И уже не полгектара, а целых десять гектаров — их владения. Пройдет два года — каждый из них получит значок и диплом «Юного кукурузовода».

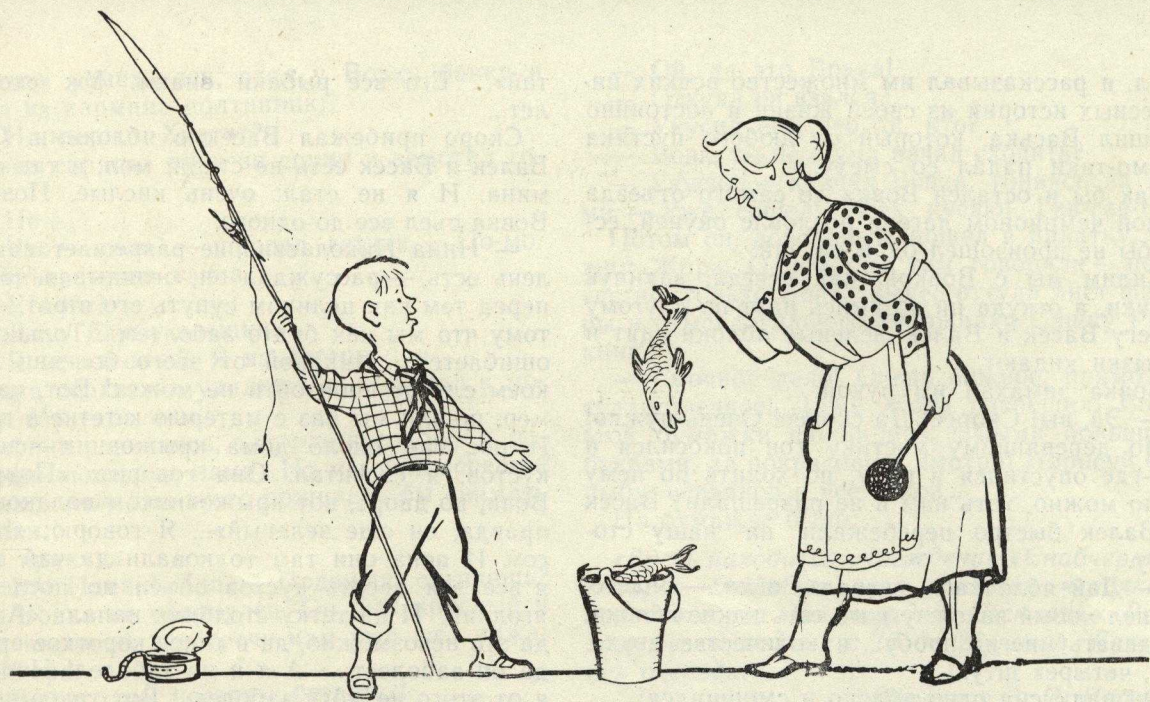
И, наверно, вырастут со временем из этих ребят настоящие волшебники своего дела — такие, как Марк Озерный. Но никогда они не забудут свое первое пионерское звено, не забудут, как бегали каждый день на школьный участок, как собирали свой первый урожай... Ведь недаром и сейчас нет-нет да и приносит почтальон директору школы Федору Степановичу Бондарю вот такие письма:

«Дорогой Федор Степанович! С солдатским приветом к вам ваш бывший ученик А. Кошик.

...В свободное от службы время читаю газету и вдруг узнаю о наших земляках. Сразу вспомнил школу, наше звено. Когда-то и я был в звене по выращиванию нашей королевы полей. И очень радостно за своих земляков.

Хочу пожелать юным озернятам хорошо трудиться, учиться и выращивать еще большие урожаи».

Днепропетровская область,
с. Мишуринов Рог

Учреждение „Снабчервяк“

Ю. Третьяков

Рассказ премирован на конкурсе «Костра»

Рисунки Б. Семенова

Вовка привез в лагерь все свои крючки, лески и целыми днями пропадал с удочкой на берегу озера — в нескольких шагах от наших палаток.

Рыбы здесь водилось такое множество, что тощий сирота — котенок, отдохавший вместе с нами, через неделю сделался толстый, пушистый, живот у него стал круглый и крепкий, как барабан.

По выходным на наше озеро толпами являлись рыболовы из города. Они рассаживались по всему берегу или бродили по лесу и ковыряли землю, отыскивая червей. Но лето в этом году стояло такое жаркое, что все черви зарылись в землю и добраться до них не было никакой возможности. А если какого и находили, то он был вялый, бледный и старался побыстрее помереть.

Все наши рыболовы впали в уныние, и только Вовка каждый день приносил на кухню полное ведро:

— Вот, тетя Поль! Покажите-ка, чего другие принесли. Вот это? Хе-е!.. Ну и рыбаки! У меня братишке пять лет и то он налавливает куда больше! Не говоря уж про меня.

Червяков у него всегда была целая банка, все — как на подбор.

Он брал червяка, помахивал им у кого-нибудь перед носом и хвалился:

— Вот — червяк! Это тебе не какой-нибудь заморенный, чахлый... Видишь, как он у меня извивается, да как вертится, да машет хвостом! Настоящий физкультурник! На такого любой окунь поймается с удовольствием.

Он важно расхаживал по лагерю, посмеивался и задира л нос:

— Где я их беру, тебе никогда не найти, ищи хоть тысячу лет! Для этого нужно знать колдовство! Научить тебя? Нет, не научу! От этого все колдовство может испортиться: улезут все червяки даже на другую сторону земного шара! Я тебе так могу дать... Бери на выбор, чтоб ты знал, какой я нежадный.

На другом берегу озера был лесной кордон Сосновка — домов пять. Там жили двое мальчишек, наши ровесники — Васек и Валек, а остальные ребята были такие маленькие, что даже своих штанов у них еще не имелось.

Васек и Валек нашего Вовку очень уважали: за то, что он мог поговорить обо всем, и все

знал, и рассказывал им множество всяких интересных историй из своей жизни и постоянно смешил Ваську, который от любого пустяка прямо-таки падал со смеху.

Так бы и остался Вовка до самого отъезда домой чемпионом лагеря по ловле окуней, если бы не произошел один случай.

Сидим мы с Вовкой, как всегда, закинув удочки, а откуда ни возьмись идут по другому берегу Васек и Валек, зеленые яблоки едят и огрызки кидают.

Вовка замахал им рукой:

— Эй, вы! Скорее! Да скорее! Очень нужно!

По деревянному мостику (он покосился и кое-где опустился в воду, но ходить по нему было можно, хоть нам и не разрешали) Васек и Валек быстро перебежали на нашу сторону.

— Дай яблочка! — сказал Вовка. — Знаете, вышел новый закон: у кого есть какие яблоки, то давать мне на пробу... в количестве двух... нет, четырех штук!

Он надкусил одно яблоко и сморщился:

— Вот это да! Эти яблоки вполне могут заменить лимон!

— Ладно, хоть такие... — сказал Васек, — и эти нам достались не за так! Пришлось за них потрудиться, будь здоров! Мы их купили за червей!

— Как так?

— Да! Это я точно говорю. У нашего соседа Мосеича. Ты ему полбанки червей, а он тебе карман яблок.

— А зачем ему так много червей?

— Он их продает! Копейка три штуки!

Вовка лег на спину и захохотал, болтая руками и ногами. А глядя на него, закатился Васек.

— А... А... мух? Мух... он тоже... продает? Сколько стоит одна большая муха? Ха-ха-ха-ха! А маленькая? А так же... мошка! Ха-ха-ха-ха!

Наконец Вовка отсмеялся, сел, держась за живот, и сказал слабым голосом:

— Меня нельзя так смешить... У меня что-то даже внутри заболело... В таких случаях мне полезно есть зеленые яблоки... Беги, Васек, загони этому Мосеичу...

Из листа лопуха он сделал кулек, насыпал туда червей и дал Ваську:

— Жми!

Пока Васек бегал, Валек нам рассказал:

— Очень хозяйственный человек Мосеич! Из всего норовит иметь себе пользу... И черви у него содержатся в ящиках особых, водой их поливает, всё честь по чести... А в выходной наедут городские — не поспевает гривенники собирать. Потому что где им в городе взять? Вот он и ходит по берегу: «давай нале-

тай»... Его все рыбаки знают. Уж сколько лет...

Скоро прибежал Васек с яблоками. Сами Валек и Васек есть не стали: мол, и так оскомины. И я не стал: очень кислые. Поэтому Вовка съел все до одного.

— Нина Николаевна не разрешает нам зеленень есть, — рассуждал он, оглядывая яблоко перед тем как целиком сунуть его в рот, — потому что мы как будто заболеем... Только она ошибается... Никакой от этого болезни ни в коем случае произойти не может! Вот, например, пошли мы раз с матерью к тетке в гости. И рос там около дома крыжовник — десять кустов, я сосчитал. Она говорит: «Поиграй, Вова, во дворе, вот крыжовником полакомись, правда, он еще зеленый»... Я говорю: «Ничего». И пока они там толковали да чай пили, я все эти десять кустов объел до последней ягодки!.. И на тетку столбняк напал: «Ах, ах, да это невозможно, да в такое короткое время, да он заболел...» А я и не заболел! Нипочем я от этого не могу заболеть! Вот такое дело... А насчет этого торговца Мосеича я буду иметь в виду — как только появится у меня подходящее настроение насчет яблок... Ух, гляньте, да это летчики приехали! Бежим!

К другому берегу подкатил мотоцикл с двумя летчиками. Один слез, отвязал удочку, а другой поехал к Сосновке.

Мы побежали через мостик, и Вовка на бегу объяснял:

— У них тоже лагерь... Знаешь, там... где клеверный луг... и пасека... Я там был... Они мне такую штучку... подарили... алюминиевую... Страшно заковыристая штучка... Вся в дырках... Не знаю... куда ее... приспособить!

Летчик уже закинул удочку в воду. Мы сели неподалеку, и Вовка все на него поглядывал: может, о чем-нибудь спросит. Вот тогда бы Вовка с ним поговорил! Летчиков он уважал больше всех, больше даже, чем моряков и во-долазов.

Но этот летчик, по всему видно, был в плохом настроении: глядя на поплавок, морщился и бормотал что-то сквозь зубы.

Скоро опять затарахтел мотоцикл, подъехал другой летчик и сказал:

— Дома никого нет! А ждать — времени у нас с тобой, сам знаешь... Вот незадача! Может, обойдемся?

— Да что... — ответил первый. — Что за насадка для озера — кузнечик!..

Вовка сорвался с места и подскочил к ним.

— Вам червей? Это мы можем! Это мы устроим! Вот, глядите какие: первый сорт! Таких вы нигде не найдете, только у меня...

— Да видим, видим...

Летчик усмехнулся, взял у Вовки банку и вынул из кармана полтинник:

— На, держи. Хватит?

Вовка спрятал руки за спину и замотал головой:

— Не-е..

— Что — мало? — спросил летчик. — По-моему, у вас такая такса...

— У кого?

— Да у барыг здешних...

— Я не здешний. Я из лагеря!

Вовка подхватил удилище и побежал к мостику. Мы — за ним.

Летчики удивились, о чем-то поговорили, потом один пошел за нами. Но мы уже перешли мостик, а ему для этого пришлось бы снимать ботинки.

Он крикнул:

— Эй! Пацан! Пацан! Подожди, слышишь?

Но Вовка не обернулся. Он был красный и сопел носом. А навстречу нам уже шел жога-тый Жора.

— Вы что по мосткам бегае-те?!

— А то, что много развелось всяких спеку-лянтов! — зашумел Вовка, размахивая рукой, как оратор. — Никакой от них жизни нет! Так и торгуют, так и торгуют!...

— Что такое?

— Червяками торгуют! Даже летчикам за деньги продают! Всякие Мосеичи-Колбасеичи! Жора догадался:

— А... а.. Это ты вон про кого... Действи-тельно...

— Я ему покажу! — бесновался Вовка. — Даже летчикам, гадюка! Я ему устрою штучку.

— Я тебе устрою... — погрозил пальцем Жо-ра. — Попробуй только лагерь осрамить...

— Чем я его осрамлю?

— А вот своими штучками! Эти твои штучки давно всем известные...

— Нет, не известные!... Я еще подумаю...

— Вот-вот, — подумай... Это будет лучше... И по мостику не бегать! — сказал Жора.

А Вовка объявил:

— Пошел думать! Кто собирается прихо-дить мешать, приставать, пусть лучше не при-ходит: сразу сосновой шишкой в лоб!

Он залез под самые нижние ветви сосны, росшей среди поляны, и замолк. Впрочем, про-сидел он там недолго и скоро выскочил с криком:

— Ура-а-а!

Он испугал девчонок из второго звена, ко-торые плели возле этой сосны венки из оду-ванчиков и не знали, что там спрятался Вовка.

Девчонки разбежались и затараторили:

— Ой, да это Вовка!

— Откуда он взялся?

— Укусил его, что ли, кто?

— Вовк, ты не с ума начал сходить?

— Укусил! — кричал Вовка, гоняясь за ни-ми. — Уже сошел! Всех кусаю! Гав-гав-гав!

Потом он, довольный, пошел в палатку, где жил Жора. О чем они там говорили — неиз-вестно, только Вовка вынес оттуда лист фане-ры и отыскал нашего художника Сашку Рыб-кина:

— Срочное дело! Очень важное, прямо го-сударственное! Даже Жора разрешил! Вот с этой бумажки спиши всё самыми большими буквами, да покрасивше, смотри! Нарисуй еще рыбу, червяков и все такое...

На бумажке было:

«Здесь находится учреждение «Снабчервяк», которое снабжает всех граждан червяками первого сорта для насадки. Бесплатно. Рабо-тает без выходных с 10 до 20 часов. Летчики без очереди.»

Директор В. П. Иванов».

— А это всем гражданам будут давать? — спросил Сашка.

— Всем! — ответил Вовка. — Не видишь, что написано?

— Значит, и мне?

— Смотря какой плакат получится! Если испортишь, то лучше и не жди! Поэтому — старайся!...

И Сашка постарался. Плакат получился очень хороший, а рыба была прямо как живая!

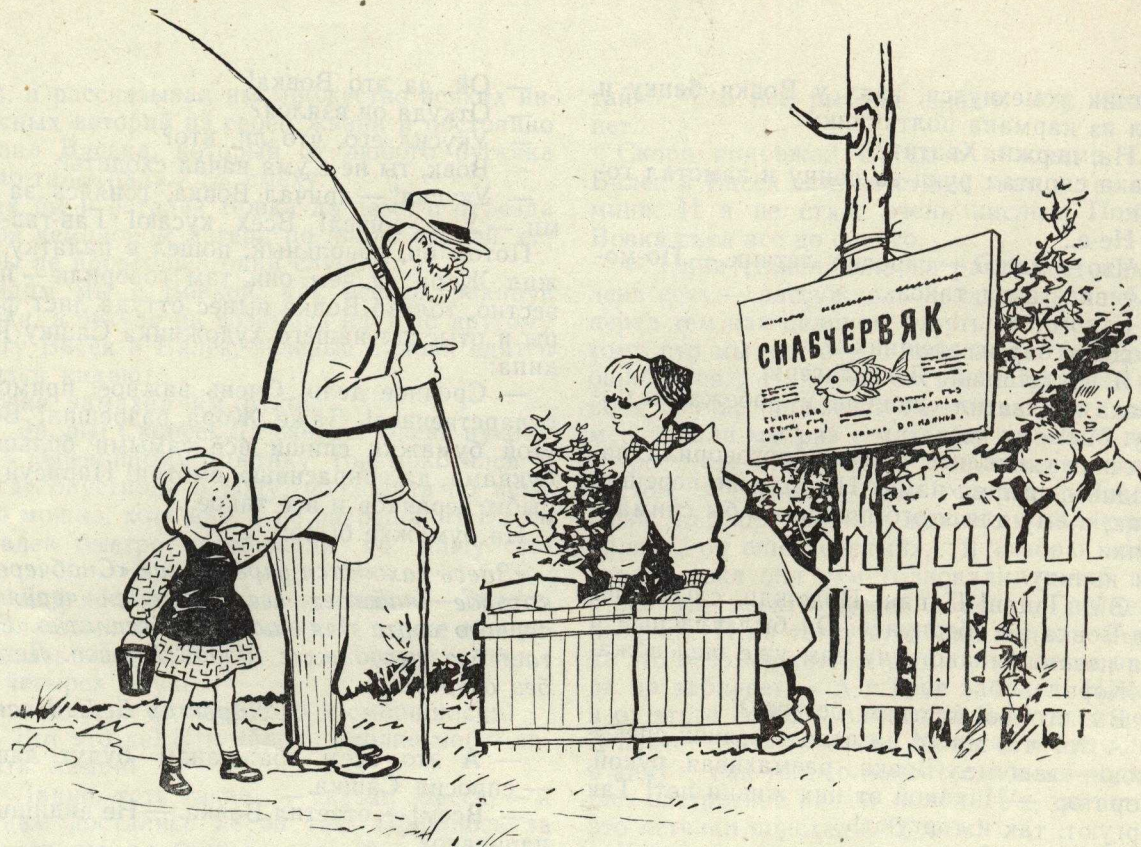
— Молодец! — сказал Вовка. — Куда бы его прибить? Ага! Знаю!

Он прибил его под другим плакатом, где было написано «Добро пожаловать». Лучшее этого места не найти: мимо ворот проходила дорога от станции к озеру.

Вовка отошел по этой дороге подальше и повернул назад. Он шел медленно, поглядыва-вая по сторонам, сорвал цветочек и нюхал его, посвистывал. Будто невзначай увидев свой плакат, он изобразил удивление, прибли-зился и прочел всё, что было написано. По-том проделал то же самое, только с противо-положной стороны. Потом взял у Жоры ве-лосипед и проехал мимо на велосипеде. Он хотел еще остановить какую-нибудь машину, чтоб поглядеть на плакат из кабинки, да Жора ему не разрешил.

— Мосеич и не знает, какое ужасное его ожидает разочарование... Прямо жалко его!.. — сказал Вовка и вздохнул, хотя все знали, что ни на какую жалость он не спо-собен.

А назавтра, в воскресенье, Вовка не знал

покая с самого раннего утра. Чтоб в этот день никуда не отлучаться из лагеря, он вызвался вне очереди дежурить, чего раньше терпеть не мог. Он надел белый халат и темные очки, — специально у кого-то выпросил. Запас червей у него оказался громадный. Целый картонный ящик, который он раньше прятал неизвестно где, а сейчас поставил возле своей палатки.

Из-за решетчатого забора его подбадривали выкриками Васек, Валек и все маленькие сосновские ребята, спозаранок явившиеся насладиться происходящими событиями.

А по дороге уже шли люди с удочками и без удочек. Почти все прочитывали вывеску, смеялись, а кое-кто поглядывал на часы.

Первым явился к Вовке Сашка Рыбкин. Как только часы показали десять, он спросил:

— Работает уже учреждение?

— Еще как! — ответил Вовка. — На полную мощность!

— В таком случае, насыпь мне вот в эту баночку...

Вовка взвесил баночку на руке и недовольно сказал:

— Ты б уж сразу ведро ташил... Или прямо — бочку! Чего стесняться-то...

Но все-таки насыпал.

— А если эти кончатся, можно... — начал было Сашка, но тут послышались крики Васька и Валька:

— Сюда, сюда! Это вот где! Сейчас позовем! Вовка, Вовка! Пришли!

Васек и Валек скакали и ликовали вокруг седенького старичка в белом костюме, в соломенной шляпе с палочкой в одной руке и с удочкой в другой. За полу его пиджака держалась совсем маленькая девочка, которую так поразил Вовкин вид, что она все время не сводила с Вовки глаз, даже, кажется, ни разу не моргнула.

— Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, — спросил старичок, вежливо поднимая шляпу, — могу ли я увидеть какого-либо представителя вот этого почтенного учреждения?

И он палкой указал на вывеску.

— Здравствуйте, — ответил Вовка, так же вежливо подняв свою тюбетейку. — Я буду представитель...

Помолчав, он добавил:

— Имею честь...

— Очень приятно... — сказал старичок, достал большие круглые часы и взглянул на циферблат, — пятнадцать минут одиннадцатого. Позвольте узнать, могу ли я надеяться на получение некоторого количества червей для насадки?

— Пожалуйста, — сказал Вовка, — будьте любезны... Куда класть есть?

Старичок пошарил по карманам и покачал головой.

— Да есть же! — радостно закричал Васек. — Как же так! Есть! Вот она!

И он вынул из-за пазухи круглую корбочку от леденцов.

Следующим был толстый майор с тоненькой удочкой, но как они с Вовкой договорились, я не знаю: мы уходили купаться, а когда вернулись к обеду, Вовка еще издали закричал, размахивая очками:

— Где вы пропадали? Я уж думал, вы там потонули все!

— А что?

— Как что? Черви-то кончаются! А они себе плавают там, ныряют! Жора, надо всех спешно мобилизовать на рытье! Пока до обеда и сходим! Я покажу место!

— А как же твое колдовство? — спросил Сашка.

— Какое тут еще колдовство! — рассердился Вовка. — Тут люди идут, а он еще какое-то колдовство выдумал!

Забрав лопаты и ведро, Вовка вместе с Жорой и ребятами ушел, а я остался за него дежурить.

Была как раз самая жара, и ко мне никто не пришел.

Только со стороны Сосновки явился какой-то лохматый дядька в распоясанной рубаше и босиком. Он прочитал вывеску, злобно плюнул на дорогу и пошел обратно. Похоже, что это и был тот самый Мосеич.

Когда Вовка вернулся, я начал ему было рассказывать, но тут примчались сосновские ребята.

И Васек сразу начал от смеха корчиться и извиваться. Не хуже червяка.

— Ой, там потеха!.. Ой, никто... подожди, не говори... я расскажу. Ой...

Но самый маленький — чумазный и белоголовый — не вытерпел:

— Курам отдал! — за что тотчас получил от Васьки подзатыльник. А остальные уже галдели:

— Всех червей высыпал курам!

— Мосеич!

— Мы в щелку видели!

— Злой!

— Бежим глядеть!

Вовка начал было снимать халат, но тут снова появился старичок в белом костюме, и Вовка бросился к нему навстречу, кланяясь и указывая обеими руками на ворота, как хозяин харчевни в книжке «Золотой ключик».

— Заходите! Пожалуйста! Будьте любезны!

Так ему и не пришлось поглядеть, как злобствует спекулянт Мосеич.

Даже когда Жора составил расписание — кто в какой день должен заниматься выдачей червей, — Вовка все равно был очень занят: на правах директора он всех проверял и ругался, если замечал что-нибудь не так.

А когда настало время разъезжаться по домам, Жора сказал, что вслед за нами в лагерь приедет новая смена, и учреждение будет работать, как работало.

И он не обманул. Через неделю мы с Вовкой поехали на это озеро. Наша вывеска висела на том же месте, только вместо «директор В. П. Иванов» стояло: «директор К. Кошкин».

Червей нам выдавал незнакомый мальчишка — надутый, розовый и белобрысый, как поросенок. Он насыпал их в два одинаковых пакетика из вошеной бумаги с нарисованной рыбой и надписью: «Снабчервяк».

— Это ты, что ли, Кошкин? — спросил его Вовка.

— Это тебя не касается... — важно ответил мальчишка.

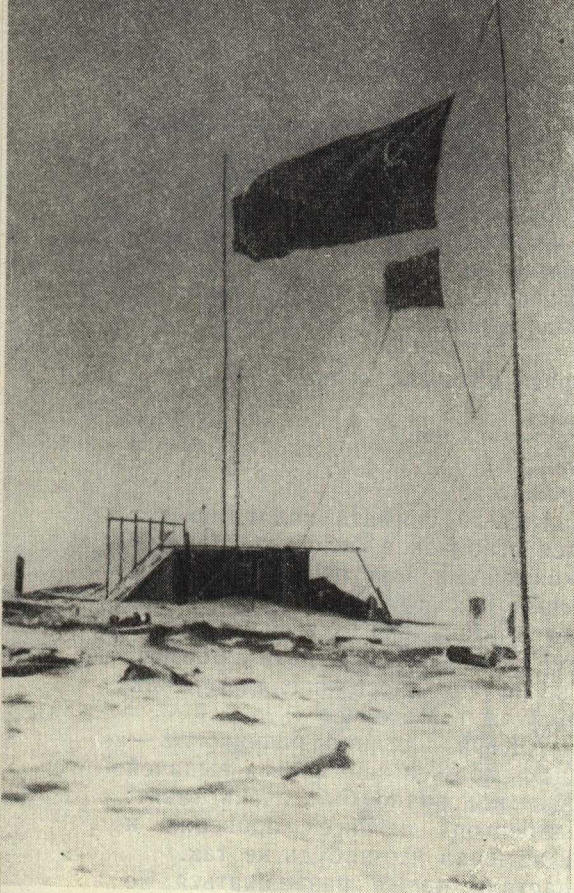
— Ну, как идут дела?

— Как полагается, так и идут...

По всему было видно, что этот мальчишка — настоящий бюрократ, но червей он дал нам хороших.

Когда мы отошли, Вовка вздохнул:

— Эх, забыл я одну вещь! Ну, ничего. Небось, на будущий год тоже поедem! Я на этой вывеске еще подпишу: даются разные полезные рыболовные советы... Где ловить. Как. На что. Я их буду давать! Вот повалит к нам народ — как на сельскохозяйственную выставку!..

ЗНАМЯ ДРУЖИНЫ НА ЮЖНОМ ПОЛЮСЕ

Снег зашевелился, шурша рассыпался, и из-под земли, отряхиваясь и ворча, вылез человек. Пошатываясь под тяжестью одежды, он подошел к площадке с приборами. Скрипнула промерзшая дверца, и луч фонаря запрыгал по делениям, шкалам и термометрам.

Гарсеван Милитонович Курдчаладзе, дежурный по станции, вынул толстую клеенчатую тетрадь и записал карандашом:

«19 мая. 12 часов по московскому времени. Высота — 2700 метров над уровнем моря, семидесятый градус южной широты, склон ледника Антарктиды. Можно начинать...»

Через минуту в тусклую снежную мглу взлетели по флагштоку два полотнища. Боковой ветер подхватил их и развернул. Вверху — флаг нашей страны, немного пониже — знамя юных пионеров Советского Союза.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Почему пионерский праздник 19 мая отмечают на далекой антарктической станции?

Перед вылетом на юг экипаж зимовки пришел в гости к пионерам 661-й московской школы. Долго разговаривали в тот вечер пионеры Антарктиды и Москвы. На прощанье ребята подарили своим новым друзьям знамя пионерской дружины.

Вот поэтому новая станция на материке таинственной Антарктиды была названа «Пионерской».

Ее небольшой мужественный экипаж — пятеро заросших по самые глаза полярников — вел на материке большую научную работу. Наблюдали Солнце. Изучали ледник. После замеров магнитного поля запускали в воздух большие шары, наполненные водородом. Направление и скорость ветра, толщина снежного покрова, явления в атмосфере — все подвергалось исследованию.

А жили эти люди в суровой Антарктиде так.

ПОДСНЕЖНИКИ

(По рассказам зимовщиков)

БРОНЕБОЙНЫЙ СНЕГ

Ветер, непрерывный ветер. Трудно устоять на ногах. Ветер обжигает лицо, в клочья рвет одежду, и палка из самого крепкого дерева за несколько дней превращается в труху. И это бы еще ничего, но ветер несет с собой снег, горы снега, тучи снега, сплошную снежную стену.

Зимовщики не успели новоселья справить, как все их домики, склады и приборы оказались под снегом. И снег все прибывает. Что делать? Сворачивать работу, переносить станцию на новое место?

Собрались зимовщики вечером в кают-компанию.

— А что, — сказал один. — Что если проложить под снегом туннели да и жить тут?

— Прямо под снегом? — удивились остальные.

— Что ж, что и под снегом. Эка невидаль, даже теплее.

Так и порешили.

Только снег в Антарктиде особенный. Плотный, слежавшийся. Ткнули его лопатой — не поддается. Достали из вьюков с багажом пилу — а снег и пилой не пилится. Пришлось рубить его топором, колоть штыковой лопатой и даже взрывать.

День и ночь полярники строили снежный город и наконец победили снег. Даже баню из палатки соорудили.

СИНОПТИК-КОЛДУН

Синоптик стоял на коленях и, уперев голову в торос, вырубал ножом снежные кирпичи. Нож гнулся и скрипел, но рассечь снег не мог.

Синоптик бросил нож в снег. Чтоб ты провалился, — закричал он в гнев. В ту же секунду раздался страшный грохот, земля треснула, и нож действительно провалился. Синоптик стоял, открыв от удивления рот, — прямо перед ним изгибалась и виляла глубокая трещина.

Такое зимовщики видели впервые. От мороза и ветра лед трескался с оглушительным грохотом.

АРХИТЕКТУРНОЕ ИЗЛИШЕСТВО

Уже спал Гарсеван, уже ворочался и бормотал во сне начальник зимовки, а радист все возился с лампами и сопротивлениями. Потом он разогнул спину и, потянувшись, поднял голову.

«Что такое? Уж не сплю ли я?» — радист быстро потер кулаком глаза. Прямо на него выгибалась стена, она немного потрескивала и уже касалась стола. Радист вскочил с табуретки и огляделся. Все четыре стены вместе с крышей надувались, словно камера футбольного мяча.

Через секунду зимовщики были на ногах.

— Ничего особенного, — сказал синоптик, — над головой столько снега, что он и железобетонный дом согнет. Однако хватит валяться, живо за лопаты и — наверх, отводящий колодец рыть.

КАША С КНОПКАМИ

Любая хозяйка скажет — чтобы сварить кашу, надо вскипятить воду и бросить туда крупу. Ну, а если вода кипит не при ста, а при восьмидесяти градусах? В такой воде крупа часа три развариваться будет.

...Обед готовили чуть ли не с утра. И вот, когда каша, густая, пыхтящая пупырчатая каша, уже стояла на столе... в нее попала коробка с кнопками. Вот беда. Что делать? Не варить же новую кашу, до утра провозишься. Решили есть так — выбирая и выплевывая кнопки. Съели. Пришел радист с дежурства, посмотрел на всех хитро и налил в кашу молока. Кнопки утонули, а каша наверх всплыла — ешь в свое удовольствие.

ЧЕЛОВЕК-СОСУЛЬКА

Не везет Гарсевану. Все шишки на его голову.

Пошел в баню, мыться начал, трет широčenную грудь мочалкой. Даже глаза от удовольствия закрыл. А зря..

Не видит он того, что печка чихнула, вспыхнула последний раз и погасла. Через мгновение уважаемый Гарсеван Милитонович, отец семейства и прекрасный общественник, превратился в двухметровую сосульку. Хорошо, рядом механик оказался. Он долго отогревал «снежного человека» паяльной лампой: «С легким паром, дорогой!»

АККУМУЛЯТОР В НАПЕРСТКЕ

Первым заметил это радист. Случайно приложив лампочку к будильнику, он увидел, что она засветилась. У радиста чуть волосы дыбом не встали. Лежит на

столе лампочка, ни к чему не подключена и горит. Радист переложил ее на другой конец стола, поближе к ножницам — опять горит. Долго бились полярники над этой загадкой. Еще один сюрприз Антарктики: при очень низких температурах металлические предметы насыщаются электричеством. Вот и попробуйте пожить в доме, где даже простой наперсток может током ударить.

В конце зимовки станция была уже на глубине восьмидесяти метров под снегом. И все-таки научные исследования продолжались...

Московские пионеры, узнав об этом, прозвали зимовщиков подснежниками. Так и в телеграммах писали: «Антарктида. Станция Пионерская. Подснежникам».

И. Ингор

ПИОНЕРЫ — РОДИНЕ

С завода прислали ответ: «Вездеход можно сделать...»

И вот лучший отряд восьмого «а» класса провожает металлолом в Харьков, на завод, где делают гигантские машины — тягачи. Надя Солдатова расписалась в квитанции. Игорь Беленцев сфотографировал ребят у платформы, и огромную надпись над ней — «ОТ ПИОНЕРОВ ШКОЛЫ № 3 ГОРОДА НЕЖИНА».

А вскоре совет дружины прочел на линейке письмо полярникам:

«Дорогие товарищи полярники!

Мы следим за всеми сообщениями о вас по радио и газетам. Мы завидуем вам и мечтаем о таком же большом, нужном Родине труде.

Считайте, что у Вас есть в городе Нежине семьсот шестьдесят два больших друга...

Мы горды тем, что

из нашего металла сделали вездеход.

Отряду имени Евгения Зыкова, нашего земляка, который погиб при исследовании Антарктиды, поручаем вести переписку с водителями вездехода и посылать им красные галстуки и отрядный флажок. Еще мы хотим посылать вам нежинских огурчиков, но не знаем, как это сделать.

Шлем вам пламенный пионерский привет!»

Пионеры Антарктиды ответили нежинским пионерам:

«Дорогие ребята!

Возможно, среди вас растут будущие исследователи Антарктиды, которым предстоит окончательно покорить ледяной континент.

Из металлолома, собранного вами, сделан тяжелый трактор-тягач и доставлен на станцию Новолазаревская. Здесь и в разгар антарктического лета исключительно трудные условия для работы — сильный ветер, пурга, метель, отсутствие видимости.

На вашем тягаче будут работать механики-водители Иван Петрович Бубуль и Анатолий Федорович Быков. Они просили передать вам благодарность за чудесную машину.

Большое спасибо, друзья.

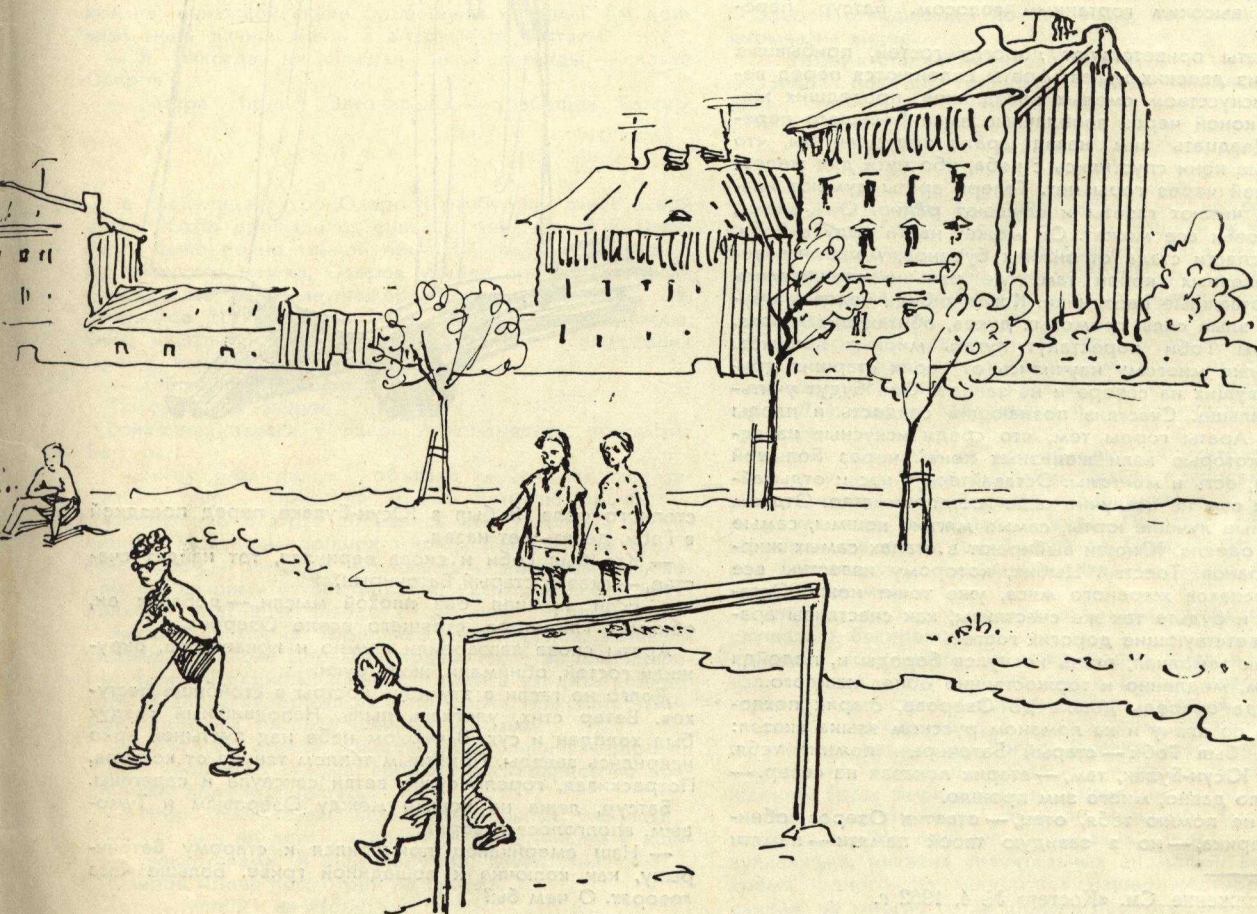
По поручению коллектива

Начальник Седьмой Антарктической экспедиции Дралкин.»

Разбив его со звоном,
Еще не по своей вине
Я бегал по газонам.
Теперь все жители двора
Честят меня украдкой.
Я был в милиции вчера
В компании с рогаткой ...

Я долго слушал и молчал,
Я брови хмурил строго,
Я мяч немного подкачал,
Подшнуровал немного
И так сказал я во дворе
Любителям футбола:
— Вы стадион на пустыре
Постройте возле школы!
Чтобы не жаловался мяч,
Чтоб не влетал в окно, как грач.

И был построен стадион
Ребьчьими руками.
Как поживает мяч? Да он
Парит под облаками.
Стал сразу весел и горяч,
Окреп и подтянулся.
Как человек, футбольный мяч
Мне с поля улыбнулся.
Удар — свеча!
Удар — свеча!
Летает мяч на воле.
И тут хозяина мяча
Увидел я на поле.
Он мяч по полю смело вел,
И не нарушил правил,
И даже вбил в ворота гол,
И я его поздравил.

Тайна гремящей расщелины

Научно-фантастическая повесть

А. Шалимов

Рисунки А. Сколозубова

Прибытие каравана машин вызвало переполох в стойбище аратов. Отовсюду — из войлочных юрт, от костров, из-за ближайших холмов к машинам шли и бежали мужчины, женщины, дети в ватных халатах и островерхих меховых шапках; махали руками, переговаривались на ходу, кричали, показывали на машины и на покрытые снегом скалистые гребни недалеких гор.

Батсур заговорил с аратами. Шум утих. Пастухи слушали внимательно. Многие удивленно и даже недоверчиво покачивали головами.

Когда Батсур умолк, вперед выступил высокий седобородый старик в красном расшитом серебром халате, зеленых сапогах с загнутыми вверх длинными носками и в высокой войлочной шапке, отороченной лисьим мехом. Пронзительный взгляд старика обжег гостей, задержался на мгновение на лице Озерова. Коснувшись коричневыми руками седой бороды, старик заговорил высоким гортанным голосом. Батсур переводил.

— Араты приветствуют дорогих гостей, прибывших в Гоби из далеких краев. Араты склоняются перед великим искусством смелых наездников, прошедших железных коней через заоблачные выси Большого перевала. Двадцать зим назад араты подумали бы, что железные кони спустились с неба, ибо пути для железных коней через горы нет. Теперь араты думают иначе. Они читают газеты и слушают радио. Они знают, что человек все может. Он может найти воду в Гоби, может спасти стада от зимних буранов, может провести железных коней там, где раньше спешивались самые отважные наездники. Когда-нибудь человек обуздает и злые силы громовых духов, обитающих на юге. Просторы Гоби перестанут пугать мирных пастухов. Араты уже многому научились от своих старших друзей, живущих на севере и на западе. Они будут учиться и дальше. Счастлив познающий сладость и плоды учения. Араты горды тем, что среди искусных наездников, которые вели железных коней через Большой перевал, есть и монголы. Оставляйтесь у нас и отдыхайте, пока вам не наскучит наше гостеприимство. Отдаем вам самые лучшие юрты, самые мягкие кошмы, самые теплые одеяла. Юноши выбирают в стадах самых жирных баранов. Толстый Цыбик, которому известны все тайны запахов жареного мяса, уже точит ножи. Оставляйтесь и будьте так же счастливы, как счастливы араты, приветствующие дорогих гостей.

Старик замолчал, опять коснулся бороды и, подойдя к гостям, медленно и торжественно обнял каждого.

Когда очередь дошла до Озерова, старик похлопал его по плечу и на ломаном русском языке сказал: — Ты был Гоби — старый Баточирын помнит тебя. Ты был Юсун-Булак, там, — старик показал на север. — Это было давно, много зим прошло.

— Я не помню тебя, отец, — ответил Озеров, обнимая старика, — но я завидую твоей памяти — памяти

степного орла. Я был в Юсун-Булаке перед поездкой в Гоби, девять лет назад.

— Кто был Гоби и снова вернулся, тот найдет счастье, — сказал старый Баточирын.

— Если пришел без плохой мысли, — добавил он, обнимая Пигастера, стоящего возле Озерова.

Араты снова заговорили шумно и приветливо, окружили гостей, обнимали, жали руки.

Долго не гасли в эту ночь костры в стойбище пастухов. Ветер стих, улеглась пыль. Неподвижный воздух был холоден и сух. В черном небе над пустыней ярко искрились звезды. Приятным теплом тянуло от костров. Потрескивая, горели сухие ветви саксаула и караганы.

Батсур, лежа на кошме между Озеровым и Тумовым, вполголоса говорил:

— Наш американец прицепился к старому Баточирыну, как колючка к лошадиной гриве. Больше часа говорят. О чем бы?

Продолжение. См. «Костер» № 4, 1962 г.

— Третий способ изучения местности и обстановки, — усмехнулся Тумов, — расспросы местного населения.

— Хорошо он говорит по-монгольски? — спросил Озеров.

— Лучше меня, — засмеялся Батсур. — В общем понять можно.

— Любопытный тип, — вполголоса заметил Озеров, поглядывая в сторону соседнего костра, где седобородый Баточирын, наклонив голову, внимательно слушал улыбающегося Пигастера.

— Разведчик! — процедил сквозь зубы Тумов.

— Не только, — возразил Озеров, — он и ученый. Мне попадались его работы по земным токам и магнетизму. Ты тоже должен их знать.

— Ерунда, — сказал Тумов. — Ни одной путной мысли. Фантазия...

— У тебя — все фантазия, — спокойно заметил Озеров. — А, между прочим, в самых фантастических представлениях всегда есть зерно истины. Вот, например, сегодня, приветствуя нас, Баточирын сказал о грозовых духах, обитающих на юге Гоби. Это, конечно, какая-то легенда. Но мне очень хотелось бы узнать о ней подробнее. Ты обратил внимание на эти слова?

— Нет, — сказал Тумов. — Пока он говорил, я старался вспомнить, куда положил контрольные таблицы для измерительных приборов.

— Это скандал, если таблиц не окажется, — покачал головой Озеров. — Надо завтра же проверить... А вы, Батсур, знаете легенду, о которой говорил Баточирын? — продолжал он, помолчав.

— Не знаю. В Гоби много легенд. Здесь о каждой долине, о каждой скале существуют легенды. Вы должны знать лучше меня. Я впервые за Алтаем.

— Я никогда не слышал такой легенды, — сказал Озеров.

— Завтра спрошу Баточирына, — пообещал Батсур.

* * *

На следующее утро Озерова разбудили свист и вой ветра. Юрта дрожала от сильных порывов. В воздухе снова было полно тонкой песчаной пыли. Выбравшись из спального мешка, Озеров увидел вокруг страшный беспорядок. Вьючные чемоданы были раскрыты, содержимое раскидано по полу. Среди вороха одежды, книг, инструментов и разного походного снаряжения мрачно копался Тумов.

— Таблицы? — спросил Озеров.

Тумов молча кивнул.

Войлочная завеса у двери приподнялась, пропустив Батсура.

— Ветер разыгрался, — объявил он, снимая пылезастыжные очки. — Придется ждать. Пути не видно.

Постепенно в юрте собрались все участники экспедиции. Последним пришел мистер Пигастер со своим секретарем — бледным молчаливым молодым человеком с большими оттопыренными ушами. Толстый круглолицый арат внес блюдо с дымящимся пловом.

Завтракали молча. Торопливо глотали плов, запивали кислым молоком. Первыми поднялись и вышли шоферы, за ними радисты. Когда собрались уходить коллекторы, Озеров задержал их и попросил упаковать вьючные чемоданы, распотрошенные Тумовым.

— А что вы искали, Аркадий Михайлович? — спросил Жора, коллектор Тумова, собирая раскиданное по войлочному полу имущество.

— Игорь Николаевич искал контрольные таблицы.

— Так они не здесь, — крикнул Жора. — Они в ящике с лекарствами. Я еще подумал, зачем они там?

Озеров молча посмотрел на Тумова.

Тот напустился на Жору:

— Почему не сказал? Видел, что лежат не на месте, и не сказал. Безобразие...

— Я думал, вы их туда сами положили, — оправдывался Жора. — Я думал, может так и надо, чтобы под рукой были.

— Думал, думал...

— Игры! — сказал Озеров.

Тумов махнул рукой и замолчал.

После полудня ветер стал утихать. Решено было двигаться дальше. Нагруженные машины выстроились в походную колонну.

— Говорили с Баточирыном? — спросил Озеров у Батсура.

— Говорил. Смеется. Сказал, идите спокойно. Грозовые духи вас не тронут. Уснули надолго.

— А легенду рассказал?

— Не хотел. Говорил, удивительные вопросы задаете. Вчера чужеземец, который разговаривает на нашем языке, спрашивал про большие машины с военными людьми. Откуда в Гоби большие машины? Ты теперь спрашиваешь про старую легенду. Зачем вам это? Рассердился и не хотел со мной говорить. Сказал, надо баранов посмотреть, и ушел.

Озеров задумчиво посасывал трубку.

— Уснули надолго, — повторил он сквозь зубы. — Интересно! Надо обязательно узнать про эту легенду, Батсур.

— Теперь не скажет, — засмеялся молодой монгол. — У нас старики упрямые...

Проводить экспедицию собралось все стойбище. Араты шумно желали удачи, жали руки. Девушки протягивали отъезжающим пиалы с айраном и кумысом.

Озеров оглядывался по сторонам, но старого Баточирына не видел.

— Уехал к стадам, — сказал Батсур.

Озеров покачал головой и пошел садиться в машину.

* * *

Уже две недели работала экспедиция на северных склонах Адж-Богдо. Когда пришли лошади и верблюды, начались маршруты в глубокие ущелья, рассекающие горный массив. Машины колесили по предгорьям. Пешие группы штурмовали черные, обожженные ветром скалы хребтов.

Пигастер был неутомим. С утра до ночи, в зной и в бураны носился он на маленьком газике по предгорным плато, въезжал на крутые склоны, петлял среди скал. Дважды он заблудился и не вернулся на ночь в лагерь.

Однако оба раза на другой день он ухитрялся, одному ему известным способом, найти правильную дорогу. Когда газик забирался в лабиринт скал, из которого, казалось, не было выезда, Пигастер отстранял шофера-монгола и сам брался за баранку. И каждый раз благополучно выводил машину на более или менее ровное место.

Шоферы прозвали его «летающим шайтаном», но слушались беспрекословно.

Своего помощника Пигастер редко брал в эти поездки. Чаще он отправлял его в пешие маршруты в глубь гор вместе с Озеровым или Тумовым.

Озеров методически, шаг за шагом, составлял геологическую карту Адж-Богдо. Однако здесь, на северном склоне, его предположения не находили подтверждений. Горы были сложены древними песчаниками и сланцами, смятыми в складки сотни миллионов лет тому назад. Не попадалось никаких следов молодого вулканизма, никаких значительных аномалий. Батсур во время одного из маршрутов нашел месторождение свинца, но многие сотни километров, отделяющие Адж-

Богдо от поселков и дорог, лишали эту находку практического значения еще на долгие годы.

Экспедиция уже трижды меняла лагерь, постепенно перемещаясь с северо-запада на юго-восток. Вскоре предстоял переход на южные склоны массива.

Пига́стер в начале работ обещал награду тому, кто найдет хоть какие-нибудь остатки контейнеров погибшего искусственного спутника. Рабочие, шоферы и радисты исходили сотни квадратных километров. Однако ни на склонах Адж-Богдо, ни на пустынных плато, окаймляющих массив, ничего не удалось найти.

В середине июля наступила сильная жара. Безветренные дни были особенно тяжелыми. Раскаленный воздух обжигал кожу. Моторы отказывались работать. Обессиленные люди, пройдя всего несколько километров, падали в тени скал. Нужна была немалая выдержка, чтобы заставить себя снова выйти под палящие лучи безжалостного солнца.

Из всего состава экспедиции, казалось, только Озеров не страдал от жары.

В самые жаркие часы дня он мог лазать по лишенным тени склонам, отбивал образцы, делал зарисовки, подолгу записывал свои наблюдения. Помощники обливались потом, дышали, как рыбы, вынутые из воды, а на его коричневом от загара лице не было заметно следов усталости. Официально, с момента выезда из Тонхила, экспедицию возглавлял Тумов, его заместителем считался Батсур. Фактически всем командовал Озеров. Тумов и Батсур ничего не делали без согласования с ним; его советы принимались без возражений.

Однако поиски были безрезультатны. Ни наземных причин катастрофы, ни остатков искусственного спутника экспедиция не находила.

Однажды поздно вечером Тумов, Озеров и Пига́стер, только что возвратившиеся из маршрутов, ужинали в палатке Батсура.

Ночь была тихая, но холодная. После дневного зноя температура быстро спадала, на рассвете она нередко опускалась до нуля.

— Пора переходить на южный склон массива, — сказал Тумов, протягивая миску за второй порцией жареного мяса. — Как твоё мнение, Аркадий?

— Согласен, — помолчав, ответил Озеров.

— А вы что думаете, мистер Пига́стер?

— Я готов.

— Значит, ничего, никаких следов? — заметил Тумов, поглядывая исподлобья на своих собеседников.

— Остается еще южный склон, — улыбнулся Пига́стер.

— А ваши предположения не поколебались?

— Отчасти, — Пига́стер забарабанил пальцами по пластмассовой плите походного столика. — Отчасти, мистер Тумов. Впрочем, неизвестно, что мы найдем на южном склоне.

— Край еще более дикий, чем здесь. Тут побывало несколько исследователей, там были только мы с Озеровым.

— Но там ближе до китайской границы, — с улыбкой возразил Пига́стер. — Там могут быть дороги; можем встретить людей. Встретили же мы пастухов на южном склоне Монгольского Алтая.

— Напрасные ожидания!

— Девять лет назад там жил отшельник — охотник, — сказал Озеров. — Но это значительно южнее, километрах в пятидесяти от Адж-Богдо.

— О, надо обязательно навестить его, — оживился Пига́стер.

— Если он еще жив, — процедил Тумов.

— С ним был мальчик, — продолжал Озеров. — Они жили в развалинах покинутого ламаистского монасты-

ря. Монахи ушли в Китай, а этот охотник, вероятно, остался сторожем монастырских владений.

— Почему ушли монахи? — заинтересовался Пига́стер, обращаясь к Батсуру. — Ваше правительство изгнало их?

— Наше правительство не преследует монахов, — ответил молодой монгол. — А о существовании монастыря к югу от Адж-Богдо едва ли знали в Улан-Баторе. Этот монастырь покинут давно.

— Да, — подтвердил Озеров, — он был покинут лет за пятнадцать до нашего первого приезда в эти места. Старик-охотник рассказывал, что монахи ушли после сильного землетрясения.

— Неужели этот человек провел в полном одиночестве пятнадцать лет? — с сомнением спросил Пига́стер.

— Вероятно, он иногда уходил к людям, — сказал Озеров. — Иначе откуда у него взялся бы мальчик, которому на вид было не более восьми лет.

— А может, там вблизи все-таки есть стойбища? — снова улыбнулся Пига́стер.

— Стойбищ там нет, — заявил Батсур. — К югу от Адж-Богдо сейчас простирается безводная пустыня. Несколько десятков лет назад вода там еще была. На старом караванном пути в Китай есть высохшие источники и колодцы. Весь район между Монгольским Алтаем и Китайским Тянь-Шанем испытывает сильные поднятия. Они привели к понижению уровня грунтовых вод. Воды ушли на большую глубину, источники высохли. Монахи покинули монастырь не потому, что испугались землетрясения. Монастырь они могли отстроить. Был заброшен старый караванный путь, люди перестали посещать монастырь. Доходов не стало. Монахи ушли...

— Возможно, — сказал Озеров, — однако землетрясение, разрушившее монастырь, было очень сильным. Постройки старинные. Они насчитывали не одну сотню лет. Разрушено почти все. Даже помещения, высеченные в скалах, пострадали. Восстановить все это было бы нелегко.

— Почему здесь случаются сильные землетрясения? — заинтересовался Пига́стер. — Главные сейсмические пояса Земли, как известно, тяготеют к побережьям океанов и морей, а здесь внутренняя область самого крупного континента.

— Здесь проходит одна из боковых ветвей широтного сейсмического пояса планеты, — сказал Озеров, — она охватывает Тянь-Шань, Алтай и протягивается к Байкалу. Монголия расположена на одном из древнейших континентов Земли. Моря ушли отсюда более ста пятидесяти миллионов лет назад. На протяжении десятков миллионов лет здесь были невысокие кряжи и обширные заболоченные низменности. Но в конце третичного времени длительный этап спокойного развития страны был резко нарушен. Огромные разломы пересекли равнины древнего континента. На месте современного Тянь-Шаня, Алтая и Хангая стали расти горные хребты. Поднятия сопровождались сильнейшими землетрясениями. Плоские плато, которые сохранились на вершинах высоких гор, — свидетели той недавней эпохи, когда здесь существовали бескрайние равнины. Сейчас остатки древних равнин приподняты на три — четыре километра над уровнем моря. На глазах человека происходит грандиозная перестройка земной коры. Древний континент превращается в горную область. Если этот процесс будет продолжаться, он может завершиться грандиозными обрушениями. В Центральную Азию возвратится море и лишь вершины высочайших хребтов останутся над водой.

— Мрачные прогнозы, — усмехнулся Пига́стер. — К счастью, это, по-видимому, произойдет не слишком скоро.

— Нашему поколению можно не опасаться, — кивнул Тумов.

— Господин Батсур, — обратился Пигастер к молодому монголу, — вы, конечно, коммунист. Вы мечтаете когда-нибудь построить среди этих пустынь и пустынных гор царство божие, в котором все будут одинаково богаты и счастливы. Этакую благословенную страну, в которой у каждого пастуха будет пластмассовая юрта, газовая плита, электрическая бритва и еще там что-нибудь. А вот господин Озеров говорит, что пройдет некоторое время, и сюда возвратится море. Значит, все, что вы собираетесь построить, рано или поздно утонет. Стоит ли тратить силы и молодость для грядущих поколений, которые все равно обречены?

Узкие глаза молодого геолога еще более сузились.

— Вы примитивно представляете себе будущее, мистер Пигастер, — сказал Батсур. — Коммунизм — это не газовая плита и не электрическая бритва в юрте арата. Коммунизм будет великим содружеством умных, свободных и счастливых людей. Всех людей всей планеты, мистер Пигастер... Мой отец говорил: «Будешь ждать счастья с неба — днем попадешь в вольчью яму». Араты не будут ждать счастья. Они его построят сами. И они уже начали строить... Вы думали найти здесь площадки для запуска межконтинентальных ракет, а нашли еще не тронутую человеком пустыню. И вы полагаете, что дальше электрической бритвы народам Гоби пути нет?.. А мы хотим напоить влагой эти пески, создать тут сады и плантации, заполнить водой русла высохших рек, построить города, курорты и станции отправления космических кораблей... Хотим заставить служить себе могучую и пока еще всеильную природу. Когда же придет время тех изменений, о которых говорил товарищ Озеров, — что ж, если человек коммунистической эпохи не сможет их предотвратить, он переселится из угрожаемого района в другой. Из Гоби на запад Северной Америки, из штата Нью-Йорк в отвоеванную у моря Атлантиду. Ведь он будет полноправным хозяином всей планеты...

Тумов многозначительно кашлянул.

— Вы прекрасно рассказали, мистер Батсур, — ослепительно улыбнулся Пигастер. — Это так величественно и заманчиво, что мне хотелось бы поверить вам... Но мне невольно пришло на ум любимое изречение мистера Тумова. Позвольте, как это вы говорите, мистер Тумов? Ах, да — зеленая фантазия... Именно — зеленая фантазия! Зеленая, как те плантации, которые вы хотите вырастить. Только вы не обижайтесь на меня, дорогой мистер Батсур. Что делать? У каждого своя слабость. Я верю в господа бога, вы в сады и рощи, которые пастухи вырастят у подножья Адж-Богдо, а мистер Озеров — в природный источник мощного нейтронного излучения, уничтоживший спутник. Не будем бранить друг друга за свои слабости.

— Отец учил меня уважать слабости ближних, — поклонился Батсур. — Дорог тысяча, правда одна...

* * *

Переброску лагеря на южный склон Адж-Богдо было решено осуществить по двум маршрутам. Колонна машин вместе с караваном верблюдов обогнет массив с юго-востока. Пешая группа с несколькими выючными лошадьми попытается перейти Адж-Богдо по ущелью, которое называли Черной расщелиной. Караван машин поведет Тумов. В пешей группе пойдут Озеров, Батсур, Жора и двое рабочих. В последний момент к ним решил присоединиться и мистер Пигастер.

На рассвете, когда за черными зубцами Адж-Богдо чуть начал розоветь восток, а ущербная луна еще ярко светила в темном небе, маленький караван покинул лагерь.

В лагере уже никто не спал. Рабочие снимали палатки, грузили снаряжение на автомашины. С восходом солнца автоколонна также должна была выступить в длительный и трудный маршрут вокруг гор. Когда маленькая группа смельчаков проходила мимо машин, рабочие прерывали погрузку и молча провожали взглядами темные, сгорбившиеся фигуры, упрямо шагающие навстречу ветру. Никто не промолвил ни слова, но все знали, что путь этой шестерки будет нелегким. Еще ни один человек не переваливал через черные скалы Адж-Богдо.

Тумов проводил караван до ворот ущелья, молча пожал всем руки.

Батсур, Жора, Пигастер и двое монголов — рабочих, ведущие в поводу навьюченных низкорослых лошадей, один за другим исчезли в темной пасти ущелья.

Тумов положил широкую ладонь на плечо приятеля, чуть наклонился и внимательно глянул с высоты своего огромного роста в спокойное лицо Озерова.

— Ну-ну, не тревожься, старина, — тихо сказал Аркадий, — все будет в порядке. Завтра вечером встретимся.

— Значит, у восточного подножья вулканического плато, — охрипшим голосом пробормотал Тумов. — Осторожнее наверху... В случае чего лучше вернитесь. Радируй, и я пошлю назад одну из машин...

— Пройдем, — сказал Озеров. — Ну, счастливо!

— В добрый час, Аркадий.

Тумов подождал, пока маленькая фигурка Озерова исчезла за поворотом ущелья, и тихо побрел к лагерю. Восток разгорался все ярче. Над черными горами и бескрайними желтыми плато вставало солнце.

В первый день караван Озерова прошел около двадцати километров по извилистому коридору Черной расщелины. Постепенно поднимались все выше. Путь в тени высоких скал оказался менее мучительным, чем маршруты по выжженному солнцем пустынным плато предгорий. Временами навстречу каравану из верховьев ущелья дул довольно сильный ветер. Дышать становилось легче. Люди быстрее карабкались

по осыпям и скалам, настойчивее тянули за собой лошадей.

Во время кратких привалов Батсур и Жора измеряли радиоактивность пород. Озеров торопливо записывал наблюдения в полевой дневник.

Наконец ущелье начало расширяться, склоны стали положе, появились кустики чахлой зелени. Караван вышел в верховья долины. Впереди уступами громоздились черно-коричневые скалы главного гребня. Где-то среди них завтра предстояло проложить путь в долины южного склона. На западе скалы образовывали исполинские обрывы, увенчанные красноватыми башнями, зубцами и колоннами. Из-за этих зубцов и башен в ярко-синее небо поднимался ослепительно белый пик.

— Мунх-Цаст-Ула, — сказал, указывая на него, Озеров. — Высочайшая вершина Адж-Богдо. Более трех тысяч семисот метров над уровнем моря.

— Мрамор? — поинтересовался мистер Пигастер, доставая из кожаного футляра полевой бинокль.

— Нет, снег.

— О'кей, — сказал мистер Пигастер, — Значит, там есть вода.

— Да, — ответил Озеров, — но там нет перевала.

— Еще вопрос, найдем ли его здесь, — улыбнулся Пигастер, поглядывая на черный гребень, запиравший верховья долины.

На ночлег стали у подножья гребня. Воды не было. Лошадей стреножили и пустили щипать чахлую, выжженную солнцем траву. На примусе вскипятили чай и разогрели консервы.

Озеров вдруг вспомнил завтрак в три часа утра на набережной Москвы-реки. Игорь сказал тогда, что в

Гоби всегда найдется охапка саксаула, чтобы разогреть консервы. А вот здесь, в этой пустынной долине, не было и ветки саксаула. Ни деревца, ни кустика, лишь пучки сухой колючей травы на почерневших от солнца и ветров склонах.

— Как-то дела у Игоря? Куда они сумели добратся сегодня? — думал Озеров, раскладывая спальный мешок на бурой каменистой почве.

Рядом Жора крутил рукоятки радиостанции. В наушниках были слышны шорохи и треск. Радист Тумова не отзывался.

— Еще едут; не стали на ночлег, — объявил Жора, откладывая наушники.

Подожел Батсур.

— Дров нет, — сказал он, разводя руками. — Придется ночевать без костра. Сторожить надо по очереди.

— Зачем? — удивился Жора.

— Чтобы тебя не утащили снежные барсы, — пошутил Батсур. — Или еще кто-нибудь...

Быстро темнело. Ужинали уже в полумраке. Обжигаясь тянули обветренными губами горячий чай. Ледяной ветер задувал с близкого перевала, заставлял приподнимать воротники ватных курток, нахлобучивать поглубже шляпы и шапки. Здесь, на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, переход от дневной жары к ночному холоду был необычайно резок.

Ужин подходил к концу, когда один из рабочих, Жамбал, крикнул что-то громко и испуганно.

Батсур вскочил.

— Где?

Жамбал, растерянно шевеля губами, указал под ноги на темную каменистую почву.

Батсур включил электрический фонарь, принялся внимательно разглядывать камни и сухую траву.

— Что там? — спросил Озеров.

— Жамбал говорит, что видел каракурта.

— На такой высоте? — усомнился Аркадий. — Едва ли.

— Надо проверить. Угроза слишком серьезная.

Обыскали весь лагерь, перетрясли спальные мешки, седла и рюкзаки, но ничего не нашли.

— Померещилось ему, — заметил Озеров, снова усаживаясь на брезент.

— Нет, нет, — крутил головой Жамбал, — моя честный слово говорит. Моя каракурт видел... Плохо будет. Идти надо другой место... Здесь ночевать нельзя.

— Куда пойдем? — возразил Батсур. — Ночь, темно... Будем спать на кошмах. На кошму каракурт не ползет.

— Моя боится, — твердил Жамбал. — Моя очень боится. Моя старый бабушка один каракурт кусал. Бабушка сразу помирал...

— Что случилось? — поинтересовался мистер Пигастер.

— Есть подозрение, что в лагерь забрался ядовитый паук: каракурт или черная вдова. Его укус считается смертельным.

— О'кей, — усмехнулся Пигастер. — Настоящий яд. Сильно действует. Но не стойкий. В консервированном виде долго не сохраняется. Эти пауки есть там, далеко, в пустыне. Здесь их нет, — продолжал он, переходя на монгольский язык, — нет...

— Я видел, — упрямо повторил Жамбал, — здесь... идти надо...

Пигастер нахмурился и посветил вокруг карманным фонариком.

Батсур расстелил рядом с брезентом кошму из грубого войлока. Американец торопливо перебрался на нее и сел, поджав под себя ноги.

— Здесь теплее, — пояснил он и погасил фонарь.

Батсур легонько подтолкнул Озерова локтем.

— Однажды паук сыграл скверную шутку с одним журналистом, — сказал Аркадий, попыхивая трубкой. — Журналисту пришлось ночевать в полевом стане. Дело было в Туркмении на окраине пустыни. Там водились каракурты, и журналист знал это. Человек он был не из робких, но каракуров боялся смертельно. Он решил не спать всю ночь. Однако перед рассветом задремал. Проснулся от ощущения, что по руке кто-то ползет. Он открыл глаза и увидел на своем мизинце небольшого черного паука. Парень чуть не сошел с ума от страха. Он лежал, боясь пошевелиться, ни жив, ни мертв... Он помнил, что каракурт не укусит, если его не потревожить, и с замирающим сердцем ждал, когда паук сползет с пальца. А паук все сидел и не думал никуда уползть. Начало рассветать. У журналиста затекла рука и онемело тело... Проснулся кто-то из соседей и увидел черного паука. Сосед тоже перетрусил и посоветовал сделать быстрое движение рукой, чтобы стряхнуть каракурта. Журналист шевельнул рукой, но недостаточно резко. Паук свалился, а журналист почувствовал укол в палец. Паук успел укусить его. Подняли тревогу, и колхозный кузнец предложил журналисту единственный путь к спасению: немедленно отрубить укушенный палец. Бедняге пришлось согласиться. Операцию произвел кузнец. Журналист не успел даже сообщить, что происходит, как одним пальцем у него стало меньше. Увидев кровь, он потерял сознание. Когда его привели в чувство, кузнец стоял рядом и со смущенной миной извинялся. Журналист начал было бормотать слова благодарности, но кузнец сокрушенно потряс головой и объяснил, что паука уже поймали ребяташки, и он оказался совсем не каракуртом, а безобидным крестовиком...

— О чем рассказывал Аркадий Михайлович? — тихо спросил Жора у Батсура.

Батсур посмеиваясь повторил по-русски историю о крестовике, принятом за каракурта.

— А вы знаете, почему этого паука называют черной вдовой? — раздался из темноты голос мистера Пигастера. — Самка каракурта, которая почти в два раза крупнее и в сто шестьдесят раз ядовитее самца, в конце брачного периода убивает своего супруга и пожирает его. Так сказать, сама делает себя вдовой... Между прочим, эти пауки чрезвычайно быстро размножаются. Каждая вдова откладывает осенью свыше тысячи яиц. Яички она помещает в сплетенные из паутины коконы. Весной молодые паучки вылезают из коконов, выпускают длинные паутиновые нити, и на этих нитях весенние ветры разносят их на большие расстояния. А осенью каждая новоиспеченная черная вдова снова оставляет тысячеголовое потомство. Каракурты могли бы быстро завоевать пустыни... если бы не птицы, — заключил Пигастер.

— Клянусь усами главного ламы, — сказал Батсур. — Вы так рассказывали об этих пауках, что мне начало казаться, будто кто-то ползает по спине под ватником.

— Русские в таком случае говорят, — мороз побегал по коже, — усмехнулся Пигастер.

— Батсур, быстро расстегни и сбрось ватник, — приказал Озеров и осветил молодого монгола ярким снопом света карманного фонаря.

Поблудневший Батсур пробежал пальцами по пуговицам ватной куртки и почти незаметным движением плеч сбросил ее на брезент.

Жора и Жамбал громко вскрикнули.

На белой рубашке Батсура между лопаток сидел большой бархатно-черный паук.

— Не шевелиться! — прошептал Озеров. Легким движением руки он смахнул паука на брезент и раздавил записной книжкой.

— Спасибо, дорогой, — просто сказал Батсур.

— Однако, здесь действительно встречаются эти твари, — процедил сквозь зубы мистер Пигастер, разглядывая раздавленное насекомое. — Проклятая страна. — Голос американца дрогнул.

В эту ночь мистер Пигастер не сомкнул глаз.

* * *

На следующее утро начали подъем на перевал. О случае с каракуртом никто уже не вспоминал. Только Жора во время одного из кратких привалов тихо сказал Батсуру:

— А наш мистер сегодня не улыбается. Наверно, ему везде чудятся каракурты. Даже не присел ни на одном привале...

— Ты, Жора, смелый парень, — похвалил Батсур. — Сегодня днем ничего не боишься, правда?.. Жора покраснел, но смолчал.

Этот Батсур видит людей насквозь. Откровенно говоря, перетрусил Жора вчера здорово. Кто знает, сколько таких каракуров гнезилось в верховьях ущелья, где стоял лагерь... Проснешься, а черный паук сидит на тебе... У Жоры противно дрожали пальцы, когда он настраивал передатчик. В шорохе и тресках ничего нельзя было разобрать.

Жора так и не сумел установить радиосвязь с автоколонной. Вероятно, в этом был виноват каракурт... Хуже, что не удалось наладить связь и сегодня утром. В наушниках трещало, как во время сильнейшей грозы. По-видимому, была какая-то неисправность в приемнике, но какая, Жора не знал.

«Скажут еще, что ничего не понимаю в радио».

Он даже вспотел под спокойным взглядом Озерова,

терпеливо ожидавшего установления связи, и соврал, что автоколонна не отзывается.

«Может, местные помехи, — мрачно размышлял он, шагая возле Батсура. — Но откуда?»

Батсур с улыбкой приглядывался к хмурой физиономии Жоры. Потом хлопнул его по плечу.

— Не расстраивайся, богатырь. И не сердись. От гнева стареешь, от смеха молодеешь. Смейся, все хорошо будет.

В полдень маленький караван достиг перевала. Это произошло как-то неожиданно. Люди упрямо карабкались вверх с уступа на уступ. С трудом вытаскивали отяжелевшие ноги из горячих каменных осыпей, с шуршанием ползущих вниз по крутым склонам. Тянули и подталкивали выбивающихся из сил лошадей. Смотрели только, куда поставить ногу при следующем шаге. Никто не глядел вверх...

нистая белая нить — не то облака, не то снега далеких гор.

— Тянь-Шань, — сказал Озеров, — самые восточные цепи Китайского Тянь-Шаня. Между ними и нами около двухсот километров безводных песков и такыров¹ Джунгарии.

— А где китайская граница? — кашлянув, спросил мистер Пигастер.

— Внизу в пустыне, километрах в семидесяти отсюда...

— И никто ее не стережет, — добавил Батсур, — и никого не интересует, где она точно проходит. Там, — Батсур указал на юг, — живут друзья. Но они далеко. Их поселения на другой стороне пустыни, у подножия Небесных гор. Наши народы разделяет не граница, а великая пустыня...

И вдруг горячий ветер Джунгарской Гоби пахнул в потные лица, сорвал и унес далеко вниз широкоплотую шляпу Озерова. Скалы расступились. Подъем кончился. Путешественники стояли на узкой седловине, зажатой среди высоких черных обрывов. Шлейф пепельно-серебристых осыпей тянулся далеко вниз в глубокую долину южного склона. Коричневые скалы гигантскими ступенями спускались к бескрайним плоским котловинам и плато великой пограничной пустыни. Желтые пески терялись в знойной дымке, а над ними, замыкая южный горизонт, висела в воздухе вол-

— А что это за черное плоскогорье у подножья Адж-Богдо, все иссеченное трещинами? — хмуро перебил Пигастер, двумя руками придерживая шляпу, которую ветер так и рвал с головы.

— Это и есть вулканическое плато, открытое девять лет назад, — объяснил Озеров. — Отсюда виден его восточный край. Плато тянется далеко на северо-

¹ Такыры — плоские блюдцеобразные впадины с глинистым дном; тип глинистой пустыни.

запад. Конические возвышенности — остатки вулканов. Это единственный известный в настоящее время центр молодого вулканизма в юго-западной Монголии. Где-то над этим плато произошла авария вашего спутника.

— Проехать туда на машине нельзя? — поинтересовался американец.

— Можно кое-где пройти пешком. Вблизи — это хаос обрывов, обвалов и трещин. Большинство расщелин недоступны. Там пригодился бы вертолет, если бы не чудовищные ветры, постоянно дующие из Джунгарии.

Караван тронулся вниз к восточной окраине вулканического плато.

Во время перехода через Адж-Богдо не удалось сделать новых открытий. Приборы не регистрировали никаких признаков аномалий. Настороженный взгляд Озерова не заметил ничего, что давало бы хоть малейшую поддержку его предположениям.

Оставалось вулканическое плато... Караван уже несколько часов пробирался вдоль его восточного края. Плоскогорье круто обрывалось к каменистой предгорной равнине. Черные, иссеченные трещинами обрывы нависали над головами путешественников. Причудливые карнизы, зубцы и колонны, высеченные вихрями в многосотметровой толщине лав и вулканических туфов, казались развалинами огромных замков, построенных и разрушенных великанами. Глубокие, ветвящиеся ущелья уходили в глубь плато. Ветер, врываясь в них, завывал и гудел, словно в трубах чудовищных органонов.

Батсур углубился в одну из расщелин. Через несколько минут молодой монгол возвратился и объявил, что она недоступна. За первым же поворотом узкое русло было перегорожено вертикальным обрывом высотой в несколько десятков метров.

— Как и в большинстве таких расщелин, — сказал Озеров. — А радиоактивность?

— Нормальная, — пожал плечами Батсур.

— Все как девять лет назад...

— Где вы проникали в глубь плато? — спросил Батсур.

— Южнее: там есть одна расщелина, по которой можно подняться наверх. Возле нее находится горячий источник. Впрочем, далеко по вершине плато тоже не пройти. Вся поверхность иссечена глубокими трещинами.

— С чем могут быть связаны такие странные формы рельефа? — недоумевал Батсур.

— Может быть, с быстрым поднятием всего района, — предположил Озеров. — Жесткое лавовое плато при подземных толчках раскололось на громадное количество кусков.

— Нигде не видел ничего подобного, — сказал Батсур.

— Признаться, я тоже, — кивнул Озеров.

— Словно кто-то специально долбил по этому плато огромной кувалдой. Хотел расплющить, но только расколот на куски.

— Пожалуй, похоже, — согласился Озеров.

Уже темнело, когда караван достиг юго-восточной оконечности вулканического плато. Здесь стена черных обрывов круто поворачивала на северо-запад. Она уходила в туманную мглу к далеким фиолетовым гребням, за которыми скрылось оранжевое солнце.

— Удивительно, — недоумевал Батсур. — Мы прошли вдоль всего восточного края плато и не встретили ни наших машин, ни их следов. Я думал, они ждут нас тут...

— Да, странно, — согласился Озеров, — странно также, что молчит их радио.

— Аркадий Михайлович, — отозвался Жора, виновато опустив глаза, — наверно, наш приемник не в порядке. Послушайте, что делается в наушниках.

Озеров надел наушники, послушал, покрутил ручки настройки и молча передал наушники Батсуру. Узкие глаза монгола округлились, как только он надел наушники.

— Когда это началось, Жора? — спросил Озеров, кивнув на приемник.

— Вчера вечером трещало немного, — пробормотал юноша.

— А сегодня утром?

— Сильнее, но не так, как сейчас...

— Магнитная буря? — спросил Батсур, освобождаясь от наушников.

Озеров с сомнением покачал головой.

— Жаль, что у нас нет магнитометра, — заметил Батсур.

— Проверим, как ведут себя компасы, — предложил Озеров.

Все трое вытащили горные компасы и освободили стрелки. Стрелки, поколебавшись, замерли без движения.

— Никакой магнитной бури нет, — сказал Озеров, пряча компас в футляр.

Подожел Пигастрер, который уже успел слазать на ближайшую возвышенность и осмотреть в бинокль окрестности.

— Каравана машин не видно, — объявил он.

Озеров рассказал ему о неисправности радио.

Пигастрер взял наушники, послушал и скептически усмехнулся.

— Меня удивляет ваша наивность, господа, — сказал он. — Приемник в полном порядке. Просто где-то совсем близко, под самым нашим носом, работает заглушающая станция. Станция, которая заглушает иностранные передачи.

Озеров и Батсур переглянулись и не могли удержаться улыбок. Жора, которому перевели слова Пигастрера, невежливо фыркнул.

— Во всяком случае, очень похоже на работу такой станции, — поправился Пигастрер, подрагивая седыми бровями.

Несколько раз, пока готовили ужин, Жора брался за приемник. Треск в наушниках не утихал, но и не усиливался. Казалось, где-то совсем рядом невидимые руки разрывали бесконечные туго натянутые полотнища. В однообразном звенящем треске не было слышно ни одной станции.

Озеров задумчиво глядел на костер, в котором горели сухие ветви караганы. Таких помех в радиосвязи не было девять лет тому назад. С чем могут быть связаны эти странные нарушения в эфире? И какую площадь они захватили?

В эту ночь Озеров спал плохо. Ему снилось, что он блуждает в холодной непроницаемой мгле. Под ногами сыпучий песок, вокруг ветер и густая тьма. Ощупывая он наткнулся на какую-то стену. Она холодна и шероховата, как базальтовые обрывы плато. В ней есть отдушины и щели. Сквозь них проникает далекий оранжевый свет и доносится треск разрываемых тканей, бесконечный треск, как в наушниках радиопередатчика.

— Это сон, — подумал он и заставил себя проснуться.

Была глубокая ночь. Чуть вспыхивал догорающий костер. В черном, пронзительно холодном небе ярко искрились звезды. Ветер утих, и глубокая тишина распростерлась над пустыней. Вот рядом застонал во сне Жора и снова стало тихо.

Не вылезая из мешка, Озеров закурил трубку, лежал, прислушивался.

Жамбал, ссутулившись, неподвижно сидел у костра, обхватив руками винчестер.

— Спит, — подумал Озеров.

Он выбрался из мешка, потянулся, глянул вверх и замер.

Темно-лиловое пятно растекалось по черному небу. Оно появилось на северо-западе над плато, расширялось дрожащими волнами, бледнело, гасло. Вот уже на месте пятна снова ярко блестят потускневшие было звезды.

— Показалось, — думал Озеров, протирая глаза. — Что это? Галлюцинация, полярное сияние?..

Он стоял не шевелясь, не отрывая взгляда от той части неба, где появилось и исчезло багрово-лиловое пятно. Не чувствовал пронизывающего до костей холода... И вот снова начало багроветь небо в том же самом месте. Багровое пятно разливалось среди звезд, как отблеск далекого пожара. Но это не могло быть

отблеском. Светилось само небо и сквозь красноватую вуаль продолжали мерцать звезды.

— Может, мне кажется? — промелькнуло в голове Озерова.

Не отрывая взгляда от уже бледнеющего багрового пятна, он принялся трясти Жамбала. Монгол вскочил как ужаленный.

— Смотри туда, — шепнул Озеров, указывая в темное небо.

Жамбал стремительно вскинул винчестер.

— Нет, нет, не стреляй. Только смотри. Видишь что-нибудь?

Жамбал вытаращил широко открытые глаза и растерянно озирался.

— Видишь что-нибудь на небе? — повторил Озеров, боясь оторвать взгляд от почти исчезнувшего пятна.

— Звезда вижу... много з-звезда, — заикаясь проговорил Жамбал, с испугом поглядывая то на небо, то на Озерова.

— Смотри еще! — приказал Озеров. — Сейчас оно появится снова.

Жамбал вскинул винчестер.

— Нет. Только смотри, — сказал Озеров, беря у него из рук оружие.

Они долго стояли, закинув головы, и смотрели в черное небо. Красноватое пятно больше не появлялось.

— Ватник надень, — прошептал Жамбал, глянув на Озерова. — Мороз...

Аркадий вдруг почувствовал, что совсем околел. Торопливо засунул негнувшиеся руки в рукава ватника. Набросил полушубок. Он не мог оторвать взгляда от той части неба, где ярко блестел в темноте большой крест Лебеда. Временами ему казалось, что небо снова начинает краснеть, но Жамбал уверял, что ничего не видит. Багровое пятно больше не появилось.

— И все же это не была галлюцинация, — думал Озеров. — Я убежден, что видел свечение неба над плато. А вдруг это свечение и помехи в радиосвязи вызваны одним источником?

Мысленно ругнув себя, что не подумал об этом раньше, Озеров включил радио. Ровный, звенящий треск донесся из наушников. В эфире ничего не изменилось...

Восток уже розовел. Озеров чувствовал, что уснуть он теперь не в состоянии. Ему необходимо собраться с мыслями.

— Пойду поброжу вокруг лагеря, — сказал он Жамбалу. — А ты посиди еще, посмотри, — может, заметишь что на небе.

Жамбал молча кивнул.

Вскинув за плечо винчестер, Озеров быстро пошел по каменистому плато в сторону светлеющего горизонта. Первые порывы утреннего ветра прилетели откуда-то из бескрайних просторов Заалтайской Гоби, зашелестели пучками сухой травы. Склон, по которому поднимался Озеров, закончился небольшим уступом. Ниже тянулись темные волны спящих песков.

Озеров присел на карниз шероховатого песчаника, курил, думал.

Надо во что бы то ни стало проникнуть в глубь плато, осмотреть его расщелины. Он испытывал странное чувство, словно стоял на пороге открытия. Остается сделать еще шаг, поднять завесу, и все станет ясно...

— Спокойно, спокойно, — сказал он себе.

Яркий луч света скользнул среди темных песков. Потом другой. Озеров вскочил. Сердце его стремительно забилось. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что идут машины.

«Нервы сдают», — мелькнуло в голове.

Он принялся сигнализировать светом карманного фонаря. Фары машин светили всё ярче. Вскоре послышался натужный гуд моторов.

Наконец первая машина доползла до подножия уступа и остановилась.

Озеров торопливо спустился вниз.

— Почему один среди пустыни? — было первым вопросом Тумова, когда он выпрыгнул из кабины.

— Лагерь рядом. Я пошел вам навстречу.

— А почему молчали? — заорал Тумов, так обнимая Аркадия, что у того затрещали кости. — Я одну машину назад послал за вами к старому лагерю.

— Ваше радио работало? — быстро спросил Озеров, с трудом освобождаясь из рук приятеля.

— А что ему делается?

— Включите передатчик. Немедленно.

Радист выскочил из закрытого брезентом кузова, поставил на песок зеленый ящичек, выдвинул антенну, начал крутить рукоятки настройки. Вскоре на его лице появилось растерянное выражение.

— Ух, черт! — пробормотал он, поглядывая то на Озерова, то на Тумова, — прямо барабанные трели.

— Так, — сказал Озеров. — Значит, только возле плато. Кажется, мы напали на след, Игорь.

Продолжение следует

Читатели „Костра“ помогают Шурочке

Как только вышел «Костер № 2» с рассказом «Шурочка в затруднении» — сразу посыпались добрые советы читателей: как Шурочке составить телеграмму. Некоторые добросовестные люди не поленились сходить на почту и разузнать, как пишется адрес в телеграмме. Правильный адрес пишется так:

«ДЗЕРЖИНСК ГОРЬКОВСКОЙ ЧКАЛОВА 16 КВАРТИРА 53 МАЛЫКОВОЙ». (Область указать обязательно, так как в СССР четыре Дзержинска!)

Итак, адрес берет семь слов. В остальных восьми надо сообщить, где альбом, что с ним сделать, и то, что с этим делом надо поспешить. Оказывается, восьми слов даже много. Вот как, например, составил телеграмму Толя Иконников (Омская обл.):

«Вышлите пятнадцатому альбом забытый Люды Шура». Все нужное сказано в шести словах.

7 + 6 слов хватило также Гале Михайловой (Одесса):

«Срочно вышлите альбом забыла Людочки Шура» — и Саше Лапука (Башкирская АССР). Тринадцатью словами обошлись также: Таня Коновал (Казань), Олег Шеколов (Иркутск), Н. Макасовская (Горький), Катя Саяпина (Сарань), Галя Гуськова (Тулльская обл.), Таня Куклина (Иркутская обл.), Нина Коновалова (Ленкорань), Люба Гурьян (Севастополь), Инна Поплавская (Магнитогорск), Наташа Яценко (Челябинск), Александр Захарчук (Лозовая), Надя Константинова (Псков), 5 «В» класс 51 школы г. Минска.

14 или 15 слов понадобилось Мише Блинову (Москва), Тамаре Брезгиной (Соликамск), Вере Кунстман (Костромская обл.), Юре Юрочкину (Белорецк), Вячеславу Иванову (Башкирская АССР), Наташе Кадацкой (Луганская обл.), Вале Смирновой (Комсомольск-на-Амуре), Вале Куклякиной (Зея), Сереже Ткаченко (Ленинградская обл.), Нине Ткаченко (Хабаровский край), Саше Воробьеву (Томск), Саше Невскому (Кустанай),

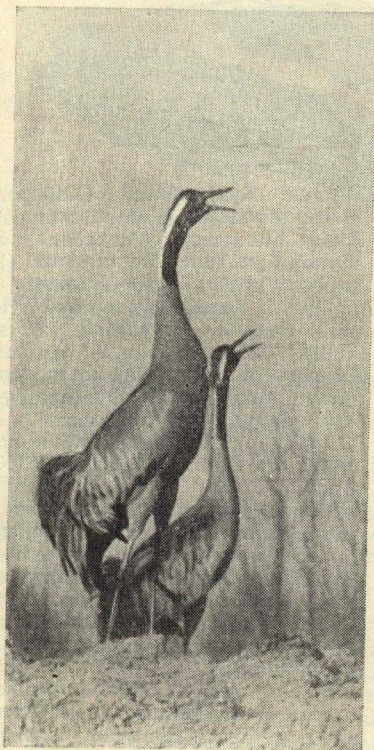
Наташе Кудрявцевой (Хабаровск), Маше Уткиной (Горьковская обл.), Лиле Киселевой (Ашхабад), Зине Жуковой и Тане Медведенко (Приморский край), Жене Лукашеву (Актюбинск), Наташе Федоровой (Исфара), Наташе Ергуновой (Москва), Адиле Айбасову (Алма-Ата), Тамаре Пшеничниковой (Пермская обл.), Жене Голубевой (Орехово-Зуево), Ире Тарунтаевой (Москва), Лене Стамбакио (Новороссийск) и пионерам 3 «а» класса 112 школы г. Кызыл-Орда.

А вот некоторые советовали Шурочке телеграфировать так: «Вышлите альбом!» А где же тетя его возьмет? Или забывали прибавить: «срочно». Или пропускали необходимое слово «Горьковской». Или забывали, что запятая тоже считается словом в телеграмме.

Еще многие прислали правильные ответы и продолжают присылать, но мы напечатали фамилии только тех, кто ответил не только правильно, но и быстро. Так что не обижайтесь,

*Серый журавль —
распорядитель бала.*

Начнем танцы.

ОХОТА С ФОТО- АППАРАТОМ

Н. Сладков

ТАНЕЦ ВЕСНЫ

Май — пора птичьих песен и танцев.

Позади чужбина, позади тяжелый перелет. Над головами майское небо, под ногами родная земля, вокруг — весна!

Грянул первый гром — всех в лесу разбудил. Крики и песни затопили лес. Загремел по лесам и полям май!

На укромном лесном болоте, подальше от чужих глаз, собрались журавли. Так уж заведено у журавлей: каждую весну собираются они тут покричать и потанцевать. Скоро постройка гнезда, впереди летние заботы, а пока — танцы!

Первое па...

Вот он — распорядитель журавлиного бала! Он подтянут и строг. Он все видит и слышит.

Солнце уже за лесом, но лучи его уже осветили облака. Порозовел над болотом туман: пора начинать!

— Здравствуй, утро, солнце, весна!

Звонко откликнулось лесное эхо.

— Я приглашаю вас к танцу! Не будем нарушать древний обычай. На этом болоте каждую весну танцевали наши деды и прадеды. Встаньте, пожалуйста,

После танца.

рядом. Видите — солнце уже поднялось. Воздух звенит от песен. Туман скрывает нас от чужих глаз: к чему медлить?

И вот — первое па...

Он еще неловок, этот первый шаг. Журавлиха стыдливо изгибает шею. Журавль слишком напряжен: кто знает, может, это первый танец в его жизни?

Все выше солнце. Зашевелился и поднялся с болота туман. Но танцам журавлиным нет конца: вышагивают птицы, приседают, взмахивают крыльями.

Нет, это не обычные их шаги по болоту, не разминка крыльев перед полетом, не высматривание в траве еды. По-особому переступают тонкие ноги, по-особому взмахивают серые крылья, по-особому изгибаются стройные шеи. Это танец, особый танец — танец весны!

Фото О. Русакова

История с РЕЗИНКАМИ

Виктор Голявкин

Чего, думаю, он все жует и жует?

Даже мне интересно стало. Хотя я не такой любопытный. Может, и мне надо это жевать. А я просто не знаю и вот не жую.

Я смотрю ему в рот, а он мне говорит:

— Хочешь тоже? Редчайшая вещь!

Он вытаскивает изо рта резинку, дает мне, а я говорю:

— Очень надо! Какую-то гадость жевать!

Тогда он говорит:

— Ты напрасно, чудак, очень редкая вещь, из Америки, жуй, я с трудом достал, жуй, у меня еще есть, жуй себе на здоровье!

— Паршивые твои резинки! — говорю.

Я ведь знаю его. Всё торчит у гостиниц. Ко всем пристаёт. Прямо зло берет.

— Тебе просто завидно, — говорит он.

— У меня их полно, — говорю, — так и знай.

Я видел, как он удивился. Хотя он не сразу поверил. Но все-таки он удивился.

— Так вот, — говорю, — так и знай. Могу дать пожевать. На здоровье. Из самой твоей из Америки!

— Просто чудо! — сказал он. — Так трудно достать!

с сахаром. Я их высушил. И дал ему. Он жевал их с восторгом.

— Великолепная страна Америка! — сказал он.

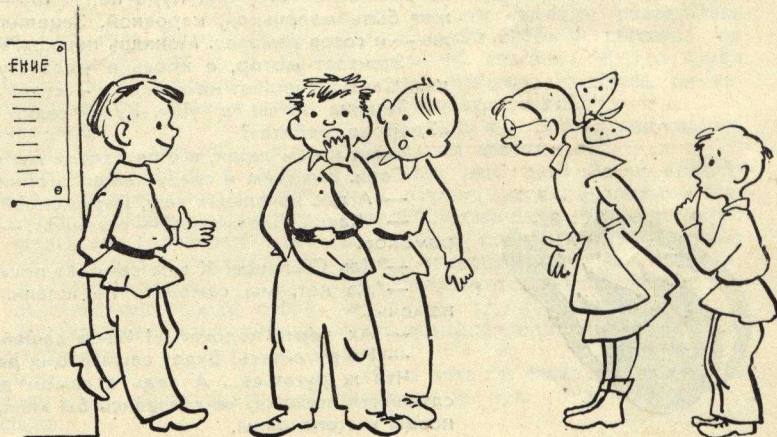
— Ерунда, — сказал я. — Для меня ерунда.

Я их просто купил в магазине. Те, которые не жуют.

Я разрезал их на кусочки...

Я варил их в кастрюльке

Рисунок автора

ПИОНЕРЫ — РОДИНЕ

Хороша тыква? 12,5 килограммов — по самым точным весам. Коля Яковлев вырастил ее на пришкольном участке. А его товарищи посадили вокруг школы пятьдесят тысяч цветов. Не одними пряниками Тула знаменита!

ШЕСТЬ КОСТРОВ

Рассказывает Герой Советского Союза Иван Владимирович Соловьев

У всех костров одинаковый цвет и дым. Особенно, если смотреть с самолета. Они горят желтым огнем, как факел.

Мы летим на высоте пяти тысяч метров. Часа четыре летим. Прошли линию фронта и теперь кружим над лесным массивом. Чуть светает. Внизу видны рваные облака, туман.

Там, в лесу, ждет нас партизанский отряд. Ему нужны боеприпасы, рация, медикаменты. Ждут нас ребята, слушают каждый звук мотора. По этому звуку они определяют — свой самолет или вражеский, и зажгут три костра. Эти костры опознавательные. Они — как пароль. Означают: садись!

Мы высматриваем костры, но их нет. Летим-летим, курс верный, а костров нет. Кружим, кружим над лесом — темно, ни огонька.

И вдруг почти разом зажглись шесть костров. Справа — три и слева — три. Что это значит? Приманивает нас враг? Где свои?

Шесть костров... Все костры одинаковы, кто бы их ни зажег. Куда садиться? Уйти назад никак нельзя. Партизаны ждут связи с Большой землей, не спят ночь, ловят каждый шорох. Без оружия, без рации им не продержаться. А где свои — справа, слева?

Решаем садиться наугад. Была не была, идем на снижение. Всегда жутко садиться на вражеской стороне. Куда попадешь — неизвестно, да и посадочная площадка может быть маленькой, неровной. Зацепил крылом за дерево, носом тюкнулся в землю — и готов самолет. Можешь пешком идти к своим.

Затихает мотор, а кровь в ушах стучит, будто летчик и не сбрасывал газ. Земля... Самолет кидает на кочках и — стоп.

Тишина лезет в уши. Куда сели? Что сейчас услышим? «Комм хераус!» или «Здорово, ребята?»

Бегут к нам люди, и еще издали мы слышим: «Ура-а!»

Свои. Выходим и сразу каждого обнимают несколько человек.

— А где начальник ваш, Парамонов? — спрашиваем.

— Какой Парамонов! — отвечают. — У нас Степанов начальник отряда, а не Парамонов.

— Как Степанов? К вам самолет посылали?

— Да нет, мы самолета не ждали. Мы думали, вы попали в аварию, хотели помочь...

— Ах, черти полосатые! Из-за вашей помощи мы Парамонову рацию не довели!

— Не ругайтесь! Будет ваша рация доставлена.

Что ж ругаться... А ведь в самом деле: нет худа без добра — если б не наша случайная посадка, не связались бы между собой два партизанских отряда — парамоновцы и степановцы.

На Страже мира

Фото из архива автора

В майские дни 1945 года над куполом рейхстага взвилось красное знамя. Смолкла стрельба. В стене здания у самой мостовой опустился металлический щит, из щели на площадь выполз ребенок, за ним — две женщины. Малыш с сияющими глазами, что-то лопоча, направился к советским воинам. И вдруг ударила автоматная очередь. Женщины упали. Пули, поднимая песчаные смерчки, медленно придвигались к ребенку.

Казалось, уже все кончено. Но грянули ответные выстрелы. Площадь окуталась дымом, пороховой гарью.

Когда мгла рассеялась, фашистский автомат молчал, и все увидели: посреди площади стоит рослый солдат со звездочкой на пилотке, бережно прижимая к груди спасенного

малыша.

В конце 1948 года Народный художник СССР, скульптор Е. В. Вучетич приехал на Ленинградский завод художественного литья и показал рабочим эскиз.

— Этот монумент, высотой в тринадцать метров и весом в сорок тонн, нужно отлить из бронзы. Срок короткий — три месяца. Девятого мая, к четвертой годовщине Дня Победы, статуя должна стоять в Берлине, в Трептов-парке.

Долго советовались между собой мастера, прикидывали, высчитывали и наконец сказали:

— Сделаем.

И сделали — на девятнадцать дней раньше срока.

Посреди цеха стоял бронзовый воин. За его плечами развевалась плащ-палатка. Мечом рассекал он фашистскую свастику. К его груди прильнул ребенок. Казалось, он искал у солдата защиты.

В тот день в цеху и сделан снимок, который вы видите.

Прошло еще дней десять-двенадцать. Статуя встала на высоком кургане в Трептов-парке, там, где много лет назад собирались на первые маевки немецкие рабочие.

Солдат смотрит вдаль. Он не хочет войны. Он хочет поскорей опустить малыша на мирную, цветущую землю.

Но и меча он пока, до времени, не выпустит из рук.

Р. Берилов

Вести

из

НЕЖНОЙ

РЕСПУБЛИКИ

Художник «Костра» Иван Иванович Харкевич недавно вернулся из Новосибирска. Он привез оттуда много интересных рисунков. На вклейке вы видите один из них.

— Удивительно! — скажете вы. — В весеннем номере, и вдруг — снег и лед... И что делают эти ребята, какие диковинные сооружения возводят?

Послушайте.

Когда работа кончится, на ледяной стене появится доска с крупными красивыми буквами: «От жителей Снежной республики тем, кто придет после нас, нашим старшим друзьям... Клуб Ледовых инженеров».

И начальник Клуба вручит представителю Старших акт передачи Ледяного города:

«...и передаем следующее имущество:

1. Голова богатыря, ледяная, пустая. При ней — шлем (один), борода (одна), усы (одни).

2. Спутник Земли, искусственный, ледяной. Следить тщательно — рвется в космос!

3. Бригантина «Аэлита». Паруса алые. Держать на причале. По ночам уплывает в Гель-Гью...»

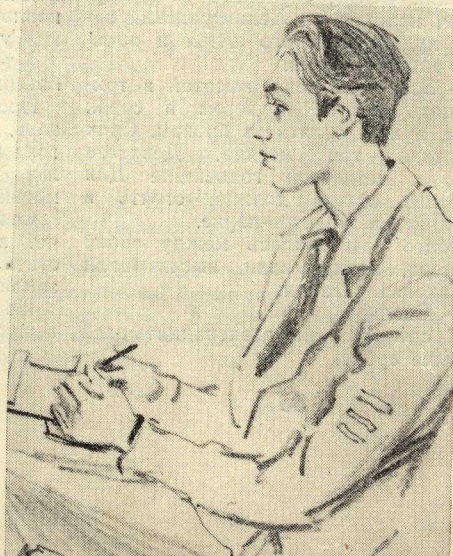
И, кончив чтение длинного акта, представитель Клуба тщательно спрячет Инструкцию по производству Ледовых работ. Если бы вы заглянули в нее, вам удалось бы прочесть немало удивительного. «Гриб-мухомор считать белым, когда не хватает краски... Зайца, чтоб был мохнатым, обсыпать зубным порошком... Крепость возводить методом крупноблочного строительства...»

Что за Клуб? Что за Ледяной город? Кто — жители Снежной республики?

Вы прочтете об этом в одном из ближайших номеров «Костра». И еще о многом. О соревнованиях «шкурников». О магазине Плюшкина. О призе Большой бронзовой снежинки. О том, что решил Совет справедливых, когда судили песню... Словом, обо всем, чем живет пионерская республика, жители которой поют:

*«Мы дружбой, суровой и нежной,
Свои закаляем сердца,
И нашей Республике Снежной
Верны до конца!
Верны до конца!»*

А это строители Ледяного города,

Этот рисунок прислал нам из Карелии семиклассник Витя Паукштелло. Вот что он пишет:

„Я на этом рисунке изобразил космонавтов-исследователей. Они прилетели на космической ракете. У них задание: найти как можно больше лунных пород. Один космонавт нашел новую породу лунного камня, а другой бежит к нему, прыгая по скалам. У них на головах антенны, чтоб они могли разговаривать по радио. На луне нету воздуха и ветра, и скалы не обветриваются. Поэтому они острые.“

КОСМИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Слова этой песни сочинил Володя Суворов, а мелодию — Саша Мишин. Оба они — читатели «Костра», школьники из села Гремячее Тульской области.

mf Мы пер-во-от-кры

f

mf

- ва- те- ли кос- ми- чес- ких вы- сот Вме- ред, дру- зья- при- я - те- ли, в стре-

Певуче

- ми- тель- ный по- лет! Про - стран - ство режь, ра - ке - та,

сво — бо — дно и лег — ко!

ле — ти сво — бо — дно и лег — ко! За —

— вет — на — я пла — не — та, чу — дес — на — я пла — не — та у *f* же не — да — ле —

Для повторения

Для окончания

— ко!

— ко!

sf

8

Мы первооткрыватели
Космических высот.
Вперед, друзья-приятели,
В стремительный полет!

Припев:

Пространство режь, ракета,
Свободно и легко!
Заветная планета, чудесная планета
Уже недалеко!

Планеты неоткрытые
Глядят на нас с небес,
Туманами покрытые
И полные чудес.
Припев.

И с песнею задорною
Стремимся мы туда,
Где, может быть, есть горы,
Моря и города.
Припев.

Саша Землезин живет в городе Дубна Московской области и учится в 4 классе. Пионеры его отряда решили вырастить к 40-летию своей организации пятьдесят кроликов.

Горит костер, горит

Рассказывает
ответственный секретарь
журнала «Костер»
Наталья Владимировна
Теребинская

1943 год. В двух небольших комнатах Ленинградского Дворца пионеров приютилась редакция журнала «Костер». Несмотря на блокаду, «Костер» продолжает выходить. Правда, он похудел до двадцати четырех страниц, но его по-прежнему украшает цветная литографская обложка.

Приемных часов в редакции нет. Какой может быть распорядок дня, если человек уходит на час сдать корректуру, а в пути застревает на несколько часов! Воздушные тревоги не знают расписания.

Большинство авторов приезжает прямо с фронта. Фронт начинается уже на окраинах города. Некоторые приходят оттуда пешком.

...За столом седовласый капитан — писатель Лев Васильевич Успенский. Он привез нам кипу рукописей, исписанных мельчайшим бисером (несчастье машинисток!) и прекрасное настроение. Искусный рассказчик, он заставляет всех смеяться до слез.

Заглядывает в редакцию из своего военного госпиталя писательница Лидия Анатольевна Будогосская, приносит рассказ о медицинской сестре. Забегает художник «Костра» Юрий Полиенович Мезерницкий. Умоляем сделать рисунки. Он в нерешительности — боится подвести редакцию. Сможет ли в срок кончить работу? Человек военный...

Однажды порог редакции переступил совсем юный красноармеец. Он поздоровался и сказал:

— Я фафист.

Мы не верили своим ушам. Переспросили. Он подтвердил:

— Фафист.

У нас вытянулись лица — кто же так просто назовет себя фашистом?

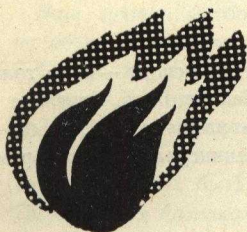
К счастью, недоразумение быстро разъяснилось. Красноармеец — в прошлом читатель «Костра» — увлекается шашками. Он — шашист. В доказательство из солдатского мешка он достает тетрадь с задачами по шашкам.

...Дверь осторожно приоткрывается, и входят две девочки. Это наши корреспондентки, участницы концертной бригады Дворца пионеров.

Одна из них — Софа Муратова — мягко приседает и застывает в глубоком реверансе. В мирные дни она училась в хореографическом училище. Началась война. Девочка осталась сиротой. Истощенная и больная попала в больницу. Здесь ее выхаживали. Здесь нашла она свою приемную мать — врача, у которой незадолго до того погибла дочь. Софа занимается в танцевальной группе Дворца. И вместе с другими ребятами выступает в госпиталях, жактах, прифронтовых частях.

...Каждый день в редакции посетители. Большие и маленькие. Бывшие школьники — теперь рабочие, заменившие у станков своих отцов. Тимуровцы и поэты. Моряки и спортсмены. Шахматисты в военных шинелях и художники в кирзовых сапогах. Журнал собирает их вокруг себя, как настоящий костер.

Горит костер, горит...

ОНИ ПОНЕСУТ ЭСТАФЕТУ

Бывалые спортсмены называют мяч «шариком». Даже такой большой и тяжелый, как баскетбольный.

Хотя Игорю Виноградскому всего одиннадцать лет, он легко управляет с баскетбольным «шариком».

Игорь занимается в спортивной школе «Юный динамовец». Он много и упорно тренируется. Вот и сейчас юный баскетболист прицелился в кольцо. Попадет или не попадет?

Не всякий отличник отыщет на карте английский город Уимблдон. Знаменит Уимблдон своими теннисными турнирами. Самые сильные мастера большого тенниса приезжают сюда на соревнования. Приехала однажды и киевлянка Галя Бакшеева. Приехала никому не известной теннисисткой, а вернулась домой победительницей международного юношеского турнира.

Не думайте, что спорт — одни только победы. Сейчас Галя Круглова и Таня Егорова улыбаются. Еще бы — чемпионки Ленинграда! А во время

гонки им было не до смеху. Как на зло, перед самым стартом обломилась в байдарке подножка. Грести было не легко, но какой настоящий спортсмен сходит с дистанции!

Турнир на первенство Ленинграда Витя Литвинович начал кандидатом в мастера. Тринадцатилетний пионер играл со взрослыми. Многих запутал он в лабиринте шахматной доски.

Кончился турнир, а Витя уже мастер спорта и призер чемпионата.

Таня Фролова — легкоатлетка. Она любит спринт и барьеры. У Тани второй взрослый разряд, а школу она мечтает кончить с первым.

С барьером шутить нельзя, здесь одной скоростью не возьмешь — техника нужна! И Таня хорошо осваивает технику прыжка. Недаром она чемпионка своей школы и района.

Все началось с маминной ракетки. Мама у Лаймы — мастер спорта. Лайма тоже решила научиться играть в теннис. Приходила из школы и брала уроки у мамы. Мама у Лаймы строгая. Лайме приходилось трудно. Но теперь всё позади. Теперь у Лаймы своя ракетка — чемпионская.

На стенде стреляют из охотничьих ружей. Мишени называются тарелочками, а величиной они с блюдце. «Тарелочки» стремительно бороздят воздух, а стрелки разбивают их меткими выстрелами.

Стрелку нужно много работать, чтобы корпус, голова, руки и ружье слились как бы в одно целое. Только тогда он добьется мгновенной реакции. Добьется устойчивых результатов.

Трудная дорога стендового стрелка в ноябре прошлого года привела Валерия Иваненко к почетному званию мастера спорта.

«Космический» прыгун Валерий Брумель свою первую высоту взял на соревнованиях в пионерском лагере.

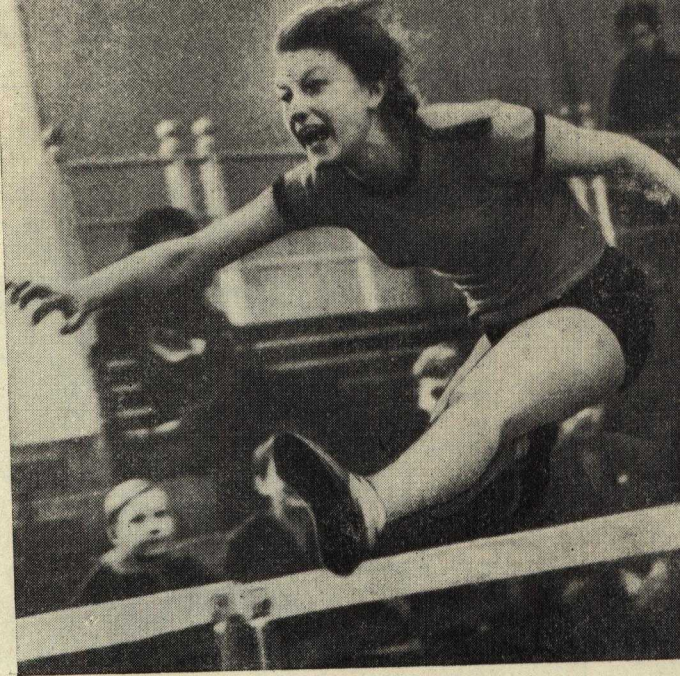
Самый сильный человек в мире Юрий Власов познакомился со штангой, когда был суворовцем.

Наш лучший футболист Лев Яшин начал гонять мяч на обыкновенном школьном дворе.

Сейчас их мастерством восхищается весь мир. Они чемпионы, рекордсмены, победители.

А на смену прославленным мастерам шагает спортивная пионерия. Эстафета будет передана в надежные руки. И, может быть, ее понесут дальше те, с кем мы сегодня тебя познакомим.

Фото В. Галактионова

*Еще не пропели ему горны:
— Будь готов!
Еще не прогремели барабаны:
— Вставай в строй!
Вовка Кадыка не пионер. Он
даже не октябренок. И в школе
пока не учится.
Вовка — сын тракториста.
Житель целины.
У него всё впереди — и школа, и
костры, и красный галстук.
Будь готов, Вовка!*

О костре, которого не было

*Рассказывает
Тимофей Добрый,
собкор «Костра».
Карпаты*

Мы — разведчики. Мы с обеда ушли вперед по маршруту, чтобы первыми подняться на вершину, обследовать ее и подготовить лагерь для всей группы.

Часа три карабкались по склону, при этом немножко поплутали — одним словом, солнце уже стояло низко, когда над нами навис пик с острым геодезическим знаком на макушке.

Мы шли сюда без привалов. Мы проголодались. У нас были с собой жестянки с тушенкой, сахар, крупа. Мы уже предвкушали, каким чудесным дымком сейчас запахнет вокруг.

— Нет, — сказал наш командир Алик (имена выдуманные, потому что иначе ребята не хотели, чтобы я о них писал), — нет. Сначала поищем воду.

В наших фляжках булькало достаточно воды. Но назавтра здесь встанет лагерь. Источник необходим. И мы заковыляли цепью, заглядывая в расщелины.

Искали долго, и все-таки нашли — родник с кабаньими копытцами. Воду из него можно черпать разве что столовой ложкой. Но и то хорошо.

— Тут поставят палатки, — сказал Алик.

— Значит, порядок? — обрадовался Стась, присел на корточки и стал устраивать камешки для котелка. Очень нам хотелось есть!

Но теперь настала очередь мачты с флагом, потому что лагерь без мачты — не лагерь. Мы воткнули жердину между валунами и укрепили, и она упруго выгнулась, как удочка, под ровным горным ветром.

Солнце между тем садилось. Становилось сыро и холодно.

— Завтра Анькин день рождения, — вспомнил Веня. А может и не вспомнил, может, он все время помнил и только ждал, пока мы покончим с другими делами.

Мы таскали плоские камни, по два и по три, кто сколько мог захватить, и выкладывали на склоне огромную надпись. «Дарим Ане пик» — выложили мы. И уже при фонарике, в котором, как назло, села батарейка, почти ошупью нацарапали на листке бумаги:

«Лучшего дня рожденья — не было и нет!

На покоренном пике встречаешь тринадцать лет!»

Можно было наконец отдыхать и ужинать. Но вдруг стало непроходимо темно, и дров не имелось ни полешка, а их здесь не так просто разыскивать даже днем.

Кое-как запалили мы на трех щепочках желтенький огонек, — просто чтобы минутку посидеть, обхватив руками колени.

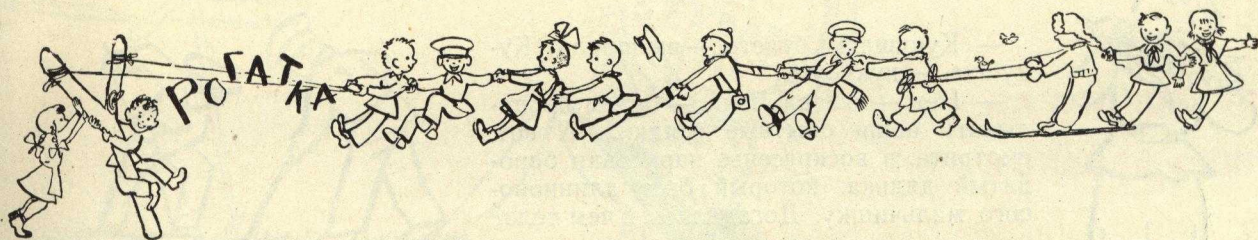
Сжевали по ломтю хлеба, сидели и тихо пели песню про Баксанский лес, и огонька хватило как раз до начала третьего куплета. И мы улеглись на влажное полотнище палатки — ее тоже в темноте не очень поставишь.

Ноги гудели, в желудках бурчало. Мы лежали, грызли сахар и смотрели на звезды. А звезды над вершиной стояли крупные, выпуклые, и ясно было видно, какая — дальше, а какая — ближе.

Первую ночь за весь поход встречали мы без огня, без ужина и без крыши.

Сначала было холодновато. А потом стало тепло. Наверно, потому, что мы лежали, тесно прижавшись друг к другу.

КАК СКУКОМОР ПРИСКАКАЛ ВО ДВОР

А. Лосев

Рисунки В. Голявкина

Пригрело солнышко, зазеленела трава — лето наступает. Привстал Скукомор в стреланах и затянул песню:

Снял я шапку и пальто,
Зимние одёжки,
Поскакал я на Карто-
На своей Картошке.
У меня, у малыша,
Есть с собой рогатка.

Бей копытами лоша-
Серая лошадка!
Нас враги шагов за сто
Узнают по стуку.
Мы с тобою уничто-
Уничтожим скуку!

— Ку-ку? — переспросил кто-то с верхушки невысокой елки.

— Здравствуй, Кукушка-болтушка, — сказал Скукомор. — Не куку, а скуку.

— Ку-ку! Скуку найти нетрудно. В городе сейчас ребята, знаешь, как скукучают!

— Неправда, — возразил Скукомор. — Одни сейчас экзамены сдают, другие — в лагеря собираются.

— Не все, — сказала Кукушка. — Некоторые никуда не укукуку...

И тут уж она раскуковалась окончательно. Скукомор прищпорил Картошку. Кукушка, кукуя, полетела сзади. И вскоре они были во дворе большого городского дома.

* * *

— Видишь, сказала Кукушка, — мальчик со стенки объявление хочет сорвать. А зачем ему оно? Так, от скуки.

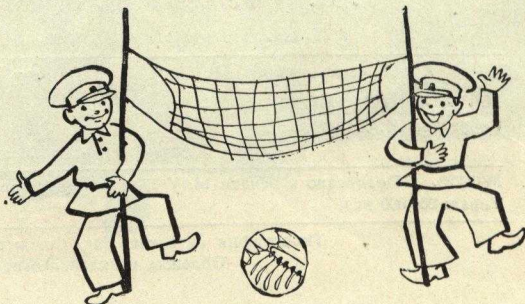
— А вот и нет! — сказал Скукомор и стрельнул из рогатки.

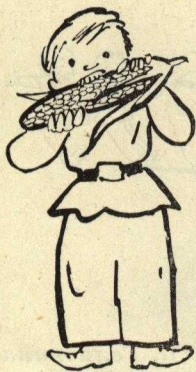
Мальчик — его звали Леня Пенкин — повернулся к гостям.

— Здравствуйте, — сказал Леня. — Это я вывешиваю наш план. Тут написано, что мы будем делать, и нарисованы картинки. Это для неграмотных дошкольников. Видите, например, в среду нарисован мяч. Как вы думаете, что мы будем делать в среду?

— Стекла бить — сказала Кукушка. — И действовать на нервы дворнику, ку-ку!

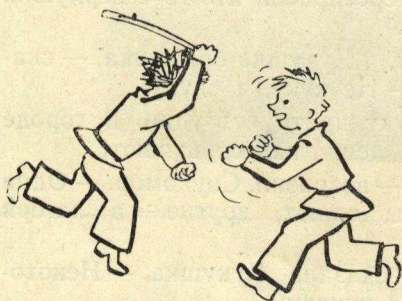
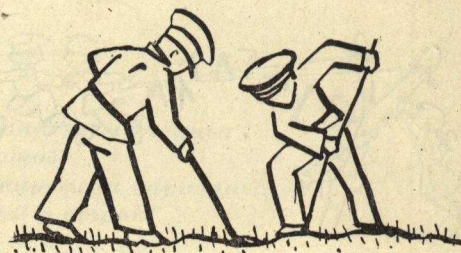
— Нет, у нас в среду соревнования по баскетболу, — сказал Леня. — Площадку мы уже подготовили... А вот в пятницу, скажем, нарисована кукуруза, какие у нас занятия в пятницу?

— Кукушать будете, — выпалила Кукушка, — кукурузу!

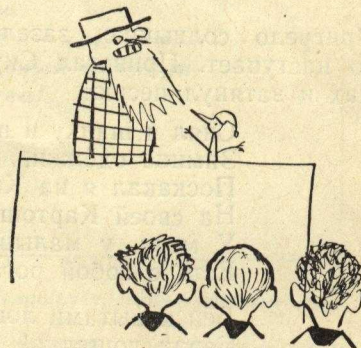
— Нет, — сказал Ленья, — будем пропалывать наши опытные грядки... А вот, смотрите, в воскресенье нарисован бородатый дядька, который бьет длинноногого мальчишку. Догадались, в чем дело?

— Устроите дракуку! Кукулаками... — предположила незадачливая птица.

Ленья засмеялся:

— Что вы! У нас во дворе не дерутся. В воскресенье наш самодеятельный кукольный театр покажет «Приключения Буратино».

— Кукуклы... — начала было Кукушка. Но Скукомор ее перебил:

— Про этих ребят ты мне все неправильно накуковала. Но надо проверить: может быть, есть еще такие дворы, где школьники и на самом деле скучают и не знают, чем заняться летом. Ну, я поскакал дальше. Мне некогда.

— Подождите, — сказал Ленья, — давайте попросим ребят, пусть они напишут в редакцию, как обстоят дела у них во дворах.

— Правильно, — сказал Скукомор, — пишите мне, ребята.

И он поскакал дальше. Ему ведь действительно некогда.

На обложке рисунок С. Острова
На второй странице обложки фото Б. Уткина
На первой вклейке фото Б. Ритова
На второй вклейке фото И. Тункеля и В. Тюккеля
На четвертой странице обложки рисунок В. Травина
Фото ПИОНЕРЫ — РОДИНЕ В. Гусева

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: **В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская** (ответственный секретарь),
В. В. Торопыгин (заместитель редактора), **Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.**

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий
Корректор **М. Яхонтова**

Технический редактор

А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-08223. Подписано к печати 14/IV 1962 г.
Тираж 260 000 экз.

Формат 84×108^{1/16}
Заказ № 233.

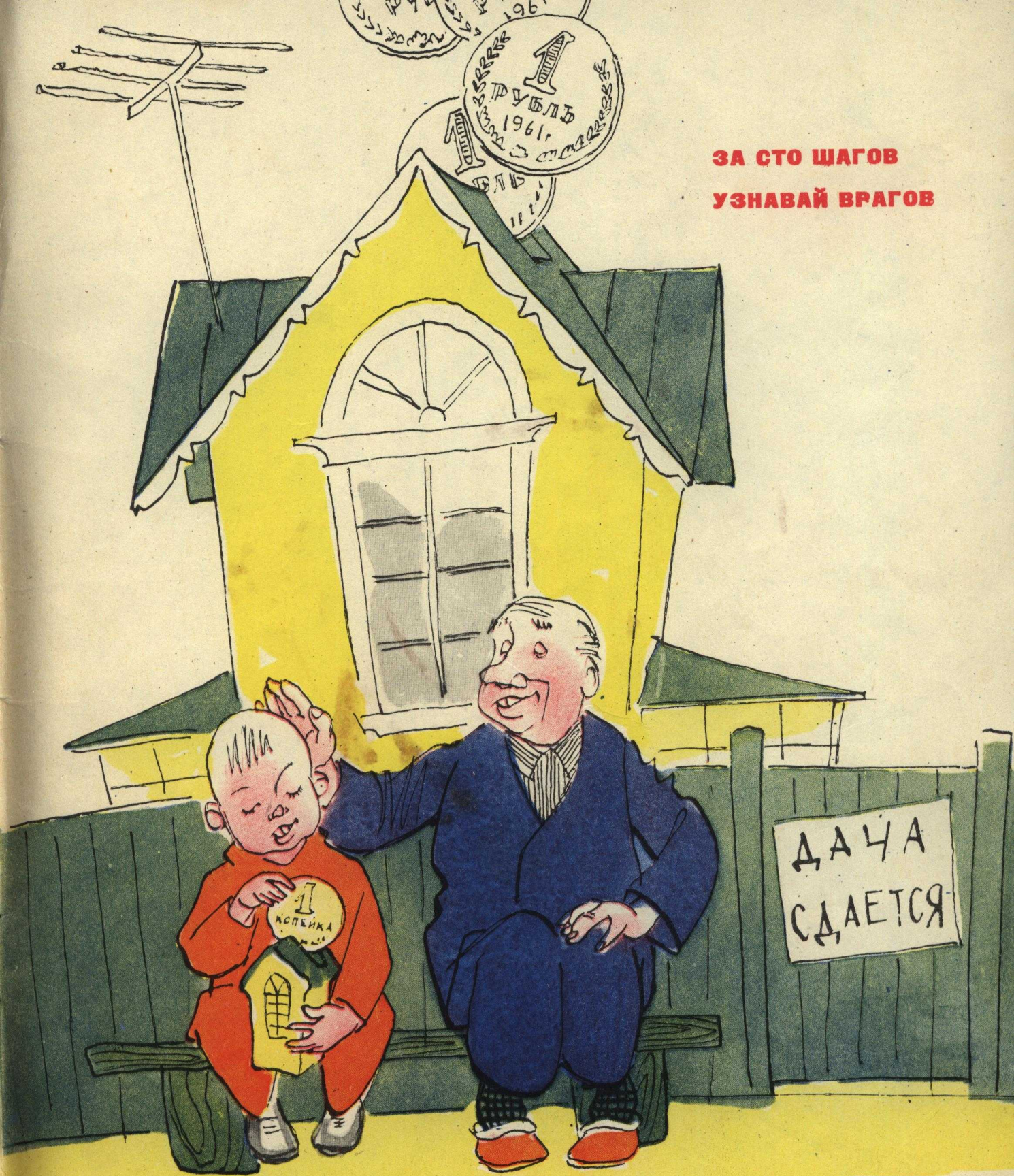
Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

**ЗА СТО ШАГОВ
УЗНАВАЙ ВРАГОВ**

**Рублишко в кубышку,
и полный порядок!
Спасите мальчишку
От вражьих повадок!**

Рисунок Ю. Данилова

